

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**КОНСТАНТИН
СОЛОВЬЕВ**

A large, dark, heavily armored knight stands in the center of the frame. The armor is intricate, with various plates and a crest on the chest. The knight's right arm is raised, and a bright orange flame or energy blast is visible at the end of the gauntlet. The background is a chaotic scene of a city on fire, with buildings engulfed in flames and smoke rising into the air. In the foreground, the silhouettes of several people are visible, looking towards the knight.

**РАУБРИТТЕР I
PRUDENTIA**

Константин Сергеевич Соловьёв
Раубриттер I. Prudentia
Серия «Новый фантастический
боевик (ЭКСМО)»
Серия «Раубриттер», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66816573

Раубриттер I. Prudentia: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-162058-5

Аннотация

Сильный повелевает слабым – так устроен мир. Бесправный крестьянин трепещет перед жадным бароном. Барон дрожит перед всемогущим герцогом. Герцог заискивает перед императором. И даже император не чувствует себя в безопасности, ведь где-то высоко, сквозь выжженное радиацией небо, вниз поглядывает Господь со своими ангелами... И неважно, что барон носит моторизованную экзо-броню, а герцог латает слабую плоть генетическими снадобьями. Главный закон мира всегда неизменен. Сильный будет повелевать слабым. Во веки веков.

Гримберт, маркграф Туринский, самоуверенно полагает, что в силах управлять этим законом. Талантливый интриган и

манипулятор, уверен, что хорошо знает людей и стоит в шаге от осуществления своего давнего замысла. Настолько, что совсем не задумывается о том, что будет, если он, допустил ошибку, впервые недооценив врага.

Боевая антиутопия, меха с роботами-рыцарями и славными героями, которые не прочь захватить власть или пройти тяжелый путь исправления совершенных ошибок.

Prudentia – первая книга трилогии Раубриттер.

Содержание

Часть первая

6

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Константин Соловьев

Раубриттер I. Prudentia

Всем людям нужно благоразумие, но особенно обремененным почестями и властью, чтобы, увлекаясь бременем власти, как бы каким стремлением беспорядочных вод, не свергнуться в пропасть.

Святой Иоанн Златоуст

© Соловьев К.С., текст, 2022

© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2022

Часть первая

Дым был густой и жирный, как наваристая похлебка. Он расползлся по полю тяжелыми антрацитовыми волнами, сквозь которые Гримберт видел лишь силуэт вражеского рыцаря, тяжелый и угловатый, точно сложенный из пригнанных друг к другу гранитных булыжников.

Рыцарь двигался встречным курсом и выглядел обманчиво неуклюжим, точно большая механическая кукла, приводимая в действие взведенной пружинной, но Гримберт знал, что эта игрушка может быть смертельно опасной.

Могла бы быть – если бы ею управляла воля, более искусная в боевых действиях.

Гримберт улыбнулся.

Вражеский рыцарь совершил ошибку, отстрелив на подходе дымовые шашки. Возможно, в этом был бы резон, если бы ему противостоял противник равного класса, но если он полагал, что в силах дымовой завесой помешать «Золотому Туру», то допустил серьезную ошибку – в инфракрасном спектре его собственный корпус выглядел четко очерченным, точно мишень на полигоне. Не промахнется даже слепой пастух из древней дедушкиной аркебузы.

«Золотой Тур», как и его хозяин, тоже ощущал приближение противника. Его вычислительные центры и сенсоры работали в штатном режиме, анализируя бесчисленное множе-

ство факторов и преобразуя их в лаконичные строки данных на визоре пилота. Как и полагается боевой машине, устроенной несравненно более сложно, чем человек, «Тур» делал это быстро и бесстрастно, с холодной машинной четкостью, но Гримберту казалось, что он ощущает в гуле разогревающегося реактора зловещую ноту, похожую на скрип выполняющего из ножен лезвия.

«Золотой Тур» ждал этого боя. Ждал возможности стряхнуть с себя сонное оцепенение, как сбросил часом ранее брезентовый чехол, реактор его равномерно гудел, напитывая огромное стальное тело энергией. Энергией, которая через несколько секунд обрушится на ковыляющего встречным курсом противника, почти беззвучно вминающего в землю обломки валунов и сметающего небольшие деревца.

Никчемный болван. Своей дымовой завесой он ничего не выгадал, лишь ослепил сам себя. Может, кто-то и простил бы ему эту ошибку, посчитав зазорным ею воспользоваться. Но только не Гримберт.

Дистанция определена. Маневр сближения задан. Баллистические вычислители уже просчитали траекторию выстрела и обозначили ее как несомненно успешную. Едва ли этот бой затянется более чем на несколько минут.

Вражеский рыцарь постепенно увеличивал скорость. Если сперва он едва ковылял, то теперь стремительно двигался курсом на сближение, широко переставляя огромные стальные ноги и расшвыривая вокруг себя комья земли. Он не

пытался совершать маневров уклонения, не менял курса, не замирал на месте, чтоб усложнить работу баллистическим вычислителям противника. Он просто приближался по кратчайшему расстоянию – огромный пятиметровый айсберг из бронированной стали, надеющийся сокрушить противника первым же лобовым столкновением.

Гримберт, хладнокровно наблюдавший за ним все это время, лишь презрительно фыркнул.

Чего еще ожидать от рыцарей с Запада с их архаичными представлениями о тактике? Привыкшие уповать не столько на маневр, сколько на сокрушительную мощь своих орудий, они в любом бою стремились резко сократить расстояние до противника, не считаясь с опасностью и не пытаясь хоть сколько-нибудь усовершенствовать те тактические наработки, которыми щеголяли еще их деды. Неудивительно, что это воинство, собранное по нитке со всей империи, с такой оскорбительной легкостью громят за морем сарацины...

Время.

Он заставил «Золотого Тура» шевельнуться, меняя позицию. Доспех отозвался на мысленный приказ мгновенно, без свойственного большим механизмам лязга, с одним лишь только гулом гидравлических сервоприводов. В его движениях была заключена необычайная мягкость, удивительная для стального существа, которое возвышалось над землей по меньшей мере на семь метров и весило почти двести имперских тонн. Может, его доспех и относился к категории сверх-

тяжелых, но, когда того требовали обстоятельства и воля хозяина, становился подвижным и стремительным, как куница, делаясь проклятием вражеских канониров. И чертовски неприятным сюрпризом для излишне самоуверенных рыцарей.

Шаг вправо. Зарядить орудия бронебойными. Пересчитать баллистическую траекторию.

Где-то в недрах «Тура» загудели орудийные элеваторы, поднимая из боеукладки снаряды. Три секунды – и сыто лязгнули орудийные затворы его двенадцатидюймовых орудий¹, изготовившись к стрельбе, зашипели, выравнивая давление, противооткатные демпферы.

Наблюдая за приближением противника, Гримберт не испытывал ни волнения, ни страха. Ничего того, что свойственно испытывать человеческому существу, запечатанному в футляр из бронированной стали внутри великана. Связанный с «Золотым Туром» невидимыми канатами нейросвязи, одними только мысленными приказами управляющий многотонной машиной, в этот миг он даже не воспринимал себя человеком. Скорее, невесомой пульсирующей искрой, укрытой в груди доспеха.

«Золотой Тур» был не куклой, которой он управлял. Сейчас он был его собственным телом. Неизъяснимо могущественным, наделенным силой, которая не снилась ни одному живому существу, силой, способной уничтожать города

¹ 12 дюймов – 305 мм.

и проламывать скалы.

Если он что-то и ощущал в этот миг, наблюдая за приближением вражеского рыцаря, то только легкий мятный сквознячок, виляющий между тончайшими отростками души и похожий на сладкое опьянение, что приходит с первым глотком вина. Отчасти это ощущение было вызвано эйфорией от нейрокоммутации с доспехом, отчасти даровано возбуждающим коктейлем, впрыснутым в вены заботливым «Туром». Ничего особенного – трехпроцентный раствор флефедрона² с небольшими добавками эггонина³, бензедрина и византийского гашиша. Подходящая смесь, чтобы держать себя в тонусе следующие полчаса, изгнав из сознания посторонние мысли и суету.

Многие рыцари, выступая в бой, оглушают себя лошадиными дозами дезоморфина, превращающими пилота в кровожадное, мечущееся внутри бронекапсулы существо, невосприимчивое ни к боли, ни к страху. Но сейчас Гримберт не собирался прибегать к такому сильному средству. Во-первых, бой был уже выигран – еще до того, как незадачливый противник отстрелил дымовые шашки. Во-вторых, половина дезоморфина, который можно приобрести здесь, вдалеке от столицы, синтезируется самоуверенными проходимцами, часто не принадлежащими даже к гильдии прови-

² *Флефедрон* – вещество из класса амфетаминов, стимулятор центральной нервной системы.

³ *Эггонин* – растительный алколоид, содержащийся в листьях коки.

зоров, зачастую прямо в грязных бочках из-под вина. Неудивительно, что оруженосцы, вскрыв рыцарскую броникапсулу после боя, часто обнаруживают там вместо своего господина агонизирующее человекоподобное существо с разодранной грудью, порванными мышцами и лопнувшими глазами – следствие нечеловеческого приступа бешенства в сочетании с паникой в замкнутом пространстве.

В-третьих... Гримберт почувствовал на губах вкус улыбки, оттененный лунным привкусом флефедрона. В-третьих, он собирался сохранить ясную голову, чтоб в полной мере насладиться этим боем.

* * *

Щелчок радиостанции нарушил этот сладостный транс, охватывающий его в бою, вырвал из душевного сосредоточения, заставив душу встрепенуться на своем месте.

– Мессир... – Шелест помех в эфире мог скрыть свойственный юности тембр, но не озабоченность в голосе. – Позвольте заметить, противник уже в ста туазах⁴ от вас и уже выходит в зону уверенного поражения. Если через двадцать секунд вы не...

Дьявол. Гримберт терпеть не мог, когда кто-то вмешивался в бой. В его бой.

⁴ Туаз – средневековая мера длины, равная 1,95 м.

– В ста туазах? – Он скрипнул зубами. – Черт тебя подери, Гунтерих, почему мой кутильер изъясняется как деревенский козопас? Если тебе не терпится испортить мне настроение перед боем, мог бы, по крайней мере, воспользоваться имперской системой мер!

«Зря сорвался», – подумал он мгновением позже. Турин, веками являвший собой восточную крепостную башню франкской империи, никогда не пользовался привилегиями вольного города, однако в наследство от своей бурной истории сохранил собственную систему мер, так не похожую на грубые и строгие имперские обозначения. Редко кто из его рыцарей считал зазорным измерять расстояние в туазах, вержах, перчах или лигах, глупо ждать от оруженосца точности в подобных материях...

– Сто девяносто пять метров, мессир.

Гримберт улыбнулся онемевшими из-за нейрокоммутации с доспехом губами.

Неплохо. Может, Гунтерих и юн, но у него есть все качества, которые необходимы хорошему оруженосцу, а прежде всего – ясная голова. Можно от рождения обладать острым глазом, превосходящим даже баллистические дальномеры, или чертовски развитым тактическим чутьем, но это не делает тебя хорошим рыцарем. А вот умение легко управлять собственными мыслями...

– Так-то лучше.

– Я лишь хотел сказать, что он подходит к рубежу, на ко-

тором его орудия могут представлять опасность для «Тура». Возможно, вам стоит...

– Прибереги свои советы для слепых! – огрызнулся Гримберт. – Или я велю хорошенько тебя выпороть за то, что мешаешь своему сеньору вести бой!

Сто восемьдесят метров.

Радиостанция покорно замолчала, выдав напоследок еще один всплеск помех.

Оценивая показания дальномеров и баллистических вычислителей, Гримберт даже ощутил короткий приступ сожаления. Мальчишка, конечно, нетерпелив, как и полагается мальчишкам, наблюдающим за рыцарским поединком, но, в сущности, он был прав. Как ни глуп был приближающийся в клочьях густого дыма вражеский рыцарь, он представлял собой опасность, которую не стоило недооценивать.

Сто шестьдесят метров.

Недооценка противника погубила больше тщательно просчитанных планов, чем самые непредсказуемые факторы. Гримберт знал это, поэтому старался устранить ее в зачатке. Может, поэтому погрешности в его планах составляли допустимую и крайне незначительную величину.

Сто тридцать метров.

«Пожалуй, надо начинать, – шепнул он мысленно «Золотому Туру». – Невежливо будет заставлять этого самоуверенного кретина ждать излишне долго, иначе он, чего доброго, заскучает. А я не хочу возиться с ним до обеда».

«Свет!» – мысленно приказал он. Секундой позже закрепленные на плечах «Золотого Тура» прожектора обрушили на поле боя поток инфракрасного излучения, пронизывавшего густой дым, словно стилеты – набитую пухом подушку. Теперь Гримберт видел противника не смазанным силуэтом, а огромным пятном желто-красного спектра, от пылающего багрянца до стылого янтаря.

В инфракрасном освещении не было видно сварных швов и герба, зато прочие детали читались отчетливо, как книга. Тяжелая кираса лионского образца, усиленная в районе нагрудника несколькими бронепластинами, наплечники, кажущиеся огромными, как купола собора, и поверх всего – хищно вращающаяся на плечах башня в виде шлема-армета.

И вся эта груда металла размером с трехэтажный дом уверенно перла вперед. Валуны, которые оказывались под ее лапами, лопались или уходили в землю, как марципаны в непропеченное тесто. Орудия беспокойно ворочались в своих спонсонах, пытаясь отыскать цель, недостаточно благоразумную, чтобы убраться подальше. Огнем своих пятидюймовок⁵, смертоносных на близкой дистанции, такой растерзал бы в считанные секунды полк легкой пехоты или даже сотню аркебузирова, но сегодня ему предстояло встретиться с противником другого класса.

Сто двадцать.

Вот-вот выйдет из-под дымовой завесы.

⁵ 5 дюймов – 127 мм.

«Доспех, и верно, лионский», – отметил Гримберт почти равнодушно, наблюдая за тем, как стремительно сокращается расстояние между машинами. Устаревший, но определенно не старый. Однако тот, кто занимался его модернизацией, судя по всему, ни черта не смыслил в доспехах подобного типа. Стремясь усилить лобовую броню дополнительными пластинами наваренной стали, он не учел слабую гидравлическую систему, характерную для многих мастеров Лиона. И так несовершенная, оснащенная плунжерами устаревшего образца, эту дополнительную нагрузку она приняла в ущерб динамическим характеристикам, снизив и без того не выдающуюся подвижность. Даже сквозь разделяющее их расстояние было заметно, что стальной великан заметно подволакивал правую ногу, оставляя на земле глубокий перепаханный пунктир.

Как там его зовут? Гримберт заставил «Тура» вывести сигнатуру вражеского рыцаря и едва подавил злой, царапающий губы смешок. «Полуночный Гром»? Чего-то подобного и следовало ожидать. Истина, подтвержденная бесчисленным множеством совпадений, – чем громче название доспеха, тем больше пустого пространства в голове у его владельца.

Тупица. Гримберт ослабился, ощущая, как по зудящим от флефедрона венам бежит клокочущая от предвкушения боя кровь, горячая и густая, как доброе старое вино. Что ж, он в достаточной степени наказал себя, выйдя на бой против

«Золотого Тура». Осталось только закончить надлежащим образом этот никчемный ритуал.

– Вперед. – Гримберт не отказал себе в удовольствии произнести это вслух. – Давай проучим этого недоумка.

* * *

«Золотому Туру» не надо было отдавать команду вступить в бой, он чувствовал мысли Гримберта и мгновенно пробудился, отчего легкая дрожь превратилась в грозный механический гул. В этом гуле Гримберт ощутил очень многое. Яростный жар реактора, спрятанного в бронированном торсе, шипение гидравлики в стальных суставах, клекот механических поршней и даже скрип броневых плит.

«Тур» стремился в бой, почти копая землю копытом, точно боевой бык с Туринского герба, он жаждал обжигающей схватки и грохота боя и негодовал оттого, что стоит без дела. Созданный для битвы механизм исполинской мощи, он не знал того, что хорошо знал его хозяин. Очень важно выбрать момент для удара.

Выбравшись из облака дыма, «Полуночный Гром» резко сменил курс. Может, его хозяин был не так и глуп. А может, наконец сообразил, что сближение с «Золотым Туром», доспехом куда более тяжелого класса, не сулит ему ничего доброго. Но если он думал, что этот запоздалый маневр может что-то изменить в схватке, то был еще глупее, чем предпо-

лагал Гримберт.

«Тур» шевельнулся ему навстречу, подминая под себя де-ревца и кочки удивительно мягко для махины весом в четы-ре тысячи восемь квинталов⁶. Баллистический вычислитель взял на себя основную работу, исчертив весь окружающий мир мягким кружевом расчетных траекторий. В их безуко-ризненности Гримберт не сомневался, как и в способности «Тура» мгновенно провести все вычисления.

– Орудие один – огонь!

Внутри многотонной стальной скорлупы выстрел ору-дий чувствуется ударом под дых, который ощущается да-же сквозь мягкое сопротивление амортизирующей сети. Ав-томатика на мгновенье отключила часть сенсоров, чтоб не оглушить хозяина, но Гримберт все равно содрогнулся, ко-гда двенадцатидюймовый левый ствол «Тура» выдохнул из себя ослепительно яркий язык пламени. Этот грохот напол-нил душу упоительным ощущением – будто ударили литав-ры императорского оркестра, возвещая начало увертюры.

Только это чувство было еще слаще, еще чище.

«Полуночный Гром» содрогнулся от этого попадания. Он не остановился – кинетической энергии удара было недоста-точно, чтоб погасить момент инерции его большого стально-го тела, – но Гримберт видел, как вражеского рыцаря едва не развернуло вокруг своей оси. Еще одно подтверждение то-

⁶ *Квинтал* – средневековая мера веса, равная 49,85 кг. Здесь: примерно 200 тонн.

му, что его правая нога плохо держит нагрузку. Кто бы ни сидел в кабине «Полуночного Грома», он совершил ошибку. Не тогда, когда отстрелил дымовые шашки, и не тогда, когда выбрал курс атаки. Ошибка была совершена куда раньше. Самую крупную свою ошибку он совершил, когда решил сойтись в бою с маркграфом Туринским.

– Осторожно, мессир!

«Полуночный Гром», возможно, был не таким уж олухом, по крайней мере, он быстро оправился от попадания. Орудия главного калибра еще молчали, выискивая свою цель, а батареи автоматических пушек уже зашлись металлическим лаем, слепо перепахивая землю, точно титаническим плугом. Направление его баллистический вычислитель определил верно, но опоздал приблизительно на полторы секунды – «Золотой Тур», мягко покачиваясь, уже обходил его с правого фланга, стремительно сокращая дистанцию.

– Орудие два – огонь!

«Полуночный Гром» зашатался, получив с близкой дистанции еще одно попадание, на этот раз прямо в шлем. Гул над полем разнесся такой, будто монахи всего герцогства одновременно ударили в свои колокола. Гримберт не без злорадства увидел черную закопченную отметину на несколько дюймов ниже вражеского армета. Он понадеялся, что этой встряски было достаточно, чтобы рыцарь внутри своей бронекapsулы выbleвал свой обед.

Гримберт не позволял «Туру» стоять на месте. Два гра-

духа правее. Два градуса левее. Резкая остановка. Задний ход. Разворот на двадцать семь градусов. Тангаж десять. Выстрел. Обратный разворот. Полный ход.

Есть люди, которые сравнивают поединок рыцарей со схваткой на мечах, есть те, кто считает его танцем. И тех, и тех Гримберт в глубине души считал идиотами, годными лишь чистить графские конюшни. Для него самого поединок был выверенной тактической схемой, прекрасной в своем несимметричном совершенстве. Сложной пространственной формулой, свитой из великого множества показателей, формулой, которая может быть как грозной и запутанной, так и дьявольски изящной.

Три градуса левее. Короткая остановка. Сдвоенный залп. Маневр уклонения. Резкий разворот вправо – двенадцать градусов.

Пригнуться. Выстрел.

«Полуночный Гром» отчаянно полосовал пространство вокруг себя автоматическими пушками, пытаясь нащупать «Тура», и даже в механическом лязге казенников ощущалось отчаянье. «Уже понял, – с удовлетворением отметил Гримберт, разворачивая тяжелую послушную машину для нового захода. – Уже осознал, с кем связался. Но сдаваться, конечно, не будет. И хорошо».

Схватка быстро превратилась в избиение. Гримберту больше не требовались инфракрасные прожектора, чтобы видеть, как пошатывается «Полуночный Гром» – судя по

всему, сотрясения от множественных попаданий было достаточно, чтоб забарахлили гироскопы. А может, стала сдавать и без того перегруженная гидравлическая система. Гримберту не нужны были детали, ему нужна была победа. И он знал, что получит ее.

«Тур» по широкой спирали обходил вражеского рыцаря, обрушивая на него методичные залпы бортовых орудий. Гримберт сознательно не пускал в дело малый калибр и лайтеры, тем унижительнее будет проигрыш для противника. Унижая слугу, унижаешь и его хозяина. Вот почему отчаянный скрежет «Полуночного Грома», тщательно переданный по аудиоканалу «Туром», звучал для Гримберта изысканной музыкой.

На третьей минуте он решил закончить поединок. «Полуночный Гром» уже не выглядел грозным противником, он выглядел шатающимся манекеном, едва удерживающим исплинскую тяжесть на ногах. Шлем-армет и панцирь были покрыты грязной копотью, щегольский герб на груди превратился в бесформенную металлическую кляксу, из затылка беспомощно торчали обрубки антенн. Гримберт ощутил брезгливость. Не противник. Пора заканчивать затянувшуюся комедию.

Он потребовал у «Тура» ручное управление и потратил две долгие секунды, чтобы тщательно прицелиться. Еще половина секунды потребовалась умному «Туру», чтобы, подчинившись мысленному приказу хозяина, сменить тип сна-

ряда в казеннике. Можно было поручить работу автомату, но Гримберт хотел выстрелить сам. Не из тщеславия. Когда разрабатываешь сложный план, очень важно, чтобы его ключевые детали были безупречны, а каждый фактор – кропотливо просчитан и учтен. В том плане, который он задумал, не должно быть неточностей. Слишком многое поставлено на карту. А все свои планы он воплощал в жизнь безошибочно – и только поэтому был еще жив.

«Тур» выстрелил.

Баллистическая траектория была рассчитана безукоризненно. Гримберт убедился в этом, когда пороховой дым рассеялся. «Полуночный Гром» судорожно вращал стволами своих орудий, пытаясь сохранить равновесие, но этот бой был им уже проигран – вместо его правой ноги пониже таскеты выпирал перекрученный обрубок. Скрежеща всеми своими сочленениями и орошая все вокруг потоками смазки, охлаждающей жидкости и гидравлического масла, рыцарь медленно завалился на бок, вскинув напоследок фонтан грязи. Грозная когда-то машина превратилась в мертвую, распростертую на земле многотонную куклу.

Бой был закончен.

Гримберт удовлетворенно вздохнул и позволил себе обмякнуть на несколько секунд в пилотском кресле. Каждый бой высасывает силы, даже такой скоротечный и предсказуемый. Позже он с удовольствием будет вспоминать его детали, возможно, даже закажет немудреную песенку придворному

поэту, пусть бездельник не зря получает золото из маркграфской казны. Но это все потом, потом, не сейчас. Сейчас он не может позволить себе расслабиться.

«Холостой режим, – мысленно приказал он терпеливо ждущему «Туру». – Реактор на нейтраль. Стоп ходовая».

Чтобы отсоединить от себя все концы амортизирующей паутины, пришлось как следует повозиться. Рассчитанная для того, чтоб поглощать кинетическую энергию, она обладала хитроумными замками, которые поддавались непросто, но Гримберт все равно сделал это сам, не дожидаясь оруженосцев.

Обретя относительную свободу, пусть даже в тесном коконе бронекapsулы, он принялся вынимать нейроштифты. Болезненная, но необходимая процедура, которую он всякий раз безотчетно оттягивал. Некоторые штифты были массивными и тяжелыми, как плотницкие гвозди, другие – длинными и узкими, точно кинжалы. Места, в которых они пронзали череп, стороннему наблюдателю могли бы показаться случайными, но Гримберт знал, что каждый из них находится в своем месте, высчитанном до тысячных долей дюйма.

Каждый щелчок, возвещающий о расстыковке узлов «Золотого Тура» с его нервной системой, заставлял его вздрагивать. Не от боли – боль была неизбежна, и с ней он за много лет успел свыкнуться, – от того мучительного ощущения, будто он собственными пальцами рвет нервные волокна, соединяющие его мозг с телом.

«Золотой Тур» и был его истинным телом. Бронированным телом весом в двести тонн, с глазами, способными считать количество песчинок в горсти песка, и орудиями, готовыми превратить в россыпи пылающего шлака небольшую крепость. Теперь он медленно и мучительно терял его, чувствуя, как распадаются нейронные связи, – пытка, знакомая лишь рыцарю.

Щелчок – и мир, который он видел во всем спектре инфракрасных волн, более богатый красками, чем лучшие холсты придворных живописцев Аахена, съежился до блеклой палитры, доступной несовершенному человеческому глазу. Еще один – и отключен радиоэфир, этот безбрежный невидимый океан, полнящийся сотнями сигналов и фонтанирующий данными. С каждым щелчком он терял сам себя, точно приговоренный на плахе, от которого императорский палач остро отточенным топором отрубает части тела.

Отключенная от дальнобойных орудий и зорких радаров, раскаленного реактора и чутких датчиков, его нервная система, казалось, съеживается внутри своей оболочки, возвращаясь к примитивно-рудиментарной форме многоклеточного комка плоти, спрятанного под бронированным колпаком и удерживаемого на месте амортизационной сетью из ремней. Требовалось несколько исполненных тягучего отращения секунд, чтобы свыкнуться с мыслью, что этот комок плоти, биологические процессы в котором текут без малого двадцать пять лет, и есть он сам.

Он сам.

Гримберт, маркграф Туринский.

* * *

Тяжелый шлем «Золотого Тура», защищающий бронекapsулу, медленно отъехал в сторону. Гримберт дождался, когда к кабине подведут трап, и медленно выбрался наружу. Слуги в ливреях с золоченым быком на синем поле почти-тельно выстроились вокруг доспеха, ожидая, когда его ноги коснутся земли. Кто-то с похвальной почтительностью поднес ему кубок холодного вина, кто-то подставил плечо, кто-то набросил на мокрые плечи, обтянутые черным полимерным гамбезоном⁷, белоснежное льняное покрывало.

Несмотря на то что Гримберт, оказавшись на твердой земле, почти сравнялся с ними в росте, эти люди все еще казались ему недомерками, непропорциональными и жалкими лилипутами – его сознание хоть и разорвало связь с доспехом, все еще воспринимало мир с высоты в четыре с половиной пасса⁸, или, считая в грубой, но привычной ему имперской системе, семи метров.

– Прекрасная победа, мессир.

Гунтерих склонил голову. С почтительностью, которая

⁷ Гамбезон – плотная поддоспешная одежда, часто набитая ватой, конским волосом или паклей.

⁸ Пасс (двойной шаг) – средневековая мера длины, равная примерно 1,5 м.

приличествует старшему оруженосцу, встречающему своего сеньора из опасной кровопролитной битвы. Даже к выражению на его юном безусом лице нельзя было придаться, сейчас оно изображало ровно то, что и должно было изображать. Но выдало его не выражение лица, не поза и, уж конечно, не голос. Что-то другое. Возможно, блеск глаз, который Гунтерих пытался скрыть.

«Ложь – это то, что дается мальчишкам тяжелее всего», – подумал Гримберт, мысленно усмехнувшись. Иногда даже тяжелее, чем искусство навигации, картография или тактика.

– Это не победа, – пробормотал Гримберт, борясь с легким головокружением, естественным после разрыва нейрокоммутации. – Жалкий спектакль. Но, по крайней мере, мне удалось щелкнуть его по носу.

– Без сомнения, мессир, – подтвердил кутильер. – Он шлепнулся в грязь, как мешок с картошкой. Ваш последний выстрел был просто великолепен.

Мальчишка совершенно не владел искусством лести. Он лгал с безыскусностью деревенского скорняка, вздумавшего расшить шелковый гобелен бисером. «Большой недостаток в его воспитании», – подумал Гримберт. Бывают ситуации, в которых аккуратная лесть может сыграть бо`льшую роль, чем батарея двенадцатидюймовых орудий, палящая прямой наводкой. Ничего, еще несколько лет надлежащего обучения при маркграфском дворе – и он научится лгать так же есте-

ственно, как и дышать. Овладеть этим искусством немного сложнее, чем управлением рыцарским доспехом, но Гунтерих всегда показывал себя способным учеником, рано или поздно он добьется и этого.

– Ерунда, – небрежно отмахнулся он. – Всего лишь хороший глазомер и умение выждать. Помни, у твоего доспеха могут быть самые совершенные баллистические вычислители, но они не заменят тебе рыцарского чутья. Оно вырабатывается только опытом.

– Да, мессир. – Старший оруженосец посерьезнел. – Именно так, мессир.

Из него будет толк, подумал Гримберт, с удовольствием делая глоток прохладного вина. Он не испытывал жажды, но нейрокоммутация порядком высушила слизистую ротовой полости. Пока еще слишком наивен и простодушен, но кто в шестнадцать не был таким? Быть может, уже в этом году Гунтерих и сам приобретет право именоваться рыцарем и войдет в знамя маркграфа Туринского – уже на правах верного сподвижника, а не старшего слуги.

«Без сомнения, это будет хорошее приобретение, – подумал Гримберт. – Мне нужны будут такие, как Гунтерих, – молодые, дерзкие, бесстрашные, верящие в несокрушимую силу своего доспеха и мощь своего господина. Не старики вроде Магнебода, чья голова набита заплесневелыми представлениями о рыцарских добродетелях и безнадежно устаревшими тактическими схемами. Новое, молодое, сильное

семья. Новый штамм, из которого можно вырастить надежное подспорье. Мне оно пригодится, это подспорье. Господь свидетель, еще как пригодится...»

Гримберт оглянулся на поле для поединка, все еще затянутое клочьями рассеивающейся дымовой завесы. Поверженный «Полуночный Гром» лежал, неподвижный и огромный, точно выкинувшийся на берег кит, вокруг него сновали слуги в баронских ливреях и оруженосцы. Судя по злому визгу вибропил, вгрызающихся в броню и рассыпающих вокруг искры, внутренняя энергосистема доспеха оказалась выведена из строя, заперев рыцаря внутри бронекapsулы, и теперь слуги отчаянно пытались вызволить своего господина, проделав в ней брешу.

Гримберт ухмыльнулся. Превосходное зрелище для жадных зрителей, разочарованных чересчур быстрым окончанием боя.

Зрителей оказалось в избытке – в этом он с удовольствием убедился, окинув взглядом походный лагерь. Вокруг отгороженной ристалищной площадки, где исходила дымом поверженная туша «Полуночного Грома», бурлила толпа, пестрая от разноцветных ливрей и гербов, звенящая сталью и ругающаяся на дюжинах невообразимых диалектов, среди которых почти невозможно было расслышать ни благородного франкского языка, ни мелодичной латыни.

Гербы эти Гримберт некоторое время рассматривал, рассеянно прихлебывая вино. Большая часть из них не вызва-

ла у него никакого интереса – никчемные картинки, пытающиеся перещеголять друг друга количеством мечей и павлиньих перьев, жалкие в своей нелепой претенциозности. Все эти львы, единороги и звезды складывались в единое пестрящее полотно, полное крикливо-ярких цветов и лишь раздражающее глаз.

– И это славное воинство Франкской империи, – пробормотал он, не пытаясь скрыть раздражения. – Только взгляни на них, Гунтерих! Черт возьми, лангобарды должны распахнуть ворота Арбории еще до того, как мы дадим первый залп – просто из уважения к тому количеству краски, что мы извели!

Гунтерих смутился, не зная, чем на это ответить и требуется ли от него какой-либо ответ. Несмотря на то что обязанности старшего оруженосца он выполнял не первый год и успел свыкнуться с резким нравом своего сеньора, некоторые случаи ставили его в тупик, заставляя тушеваться. «Ничего, – подумал Гримберт, – это тоже пройдет, как проходят все юношеские слабости и недостатки».

Гунтерих нерешительно кашлянул.

– Эти рыцари... все они прибыли по зову сенешаля, месир, – произнес он осторожно. – Они выполняли свой рыцарский и вассальный долг.

– Еще скажи, что они сделали это по велению души! – Гримберт приподнял бровь, глядя на него. – Иногда ты отвратительно простодушен, Гунтерих. Это воинство, собран-

ное сенешалем, может оглушительно греметь в походе, точно телега старьевщика, но как только дойдет до боя, я бы не дал за него и медного обола!⁹

– Да, мессир. – Кутильер покорно склонил голову.

Не убежден, однако не считает возможным спорить с хозяином.

Гримберт вздохнул. Гунтерих, без сомнения, во всех отношениях превосходный оруженосец. Сообразительный, проворный, исполнительный, когда нужно – тактичный и хладнокровный. Кроме того, не болтлив, что еще больше повышает его цену. Но иногда ему казалось, что тому недостает дерзости. Той самой дерзости туринских «вильдграфов», которая заслужила им славу не только преданных слуг империи, но и самоуверенных гордецов, плевать хотевших на порядки и приличия, веками ведущих свою войну на восточных рубежах. Войну, древнюю, как библейские сказания, призом в которой чаще все были лишь бескрайние лиги выжженной и мертвой земли. Еще недавно ему казалось, что про эту войну господа из Аахена забыли, увлеченные своими авантюрами в Святой земле. И вот...

– Ты в самом деле считаешь, что это сборище... – Гримберту хватило короткого жеста, чтобы захватить и гомонящую вокруг ристалища толпу, и скрытые брезентом доспехи, и бесчисленные походные шатры. – Это сборище представляет собой лучших рыцарей Франкской империи? Да это

⁹ *Обол* – средневековая монета, составляющая половину денье.

самый настоящий сброд, который сенешалю удалось нако-
вырять по всем землям и сбить воедино. Позволь заметить,
что вижу здесь я. Пяток заплесневевших графов, извлечен-
ных из своих покосившихся замков, где мышей давно боль-
ше, чем слуг. Дюжины две баронов, алчных и тупых, как ов-
цы, которых их отцы пасли, прежде чем присягнуть, сделав-
шись министралами. И, будто этого мало, чертова прорва
раубриттеров, этих блохастых голодных псов, которые стя-
гиваются на запах несвежего мяса, точно стервятники!

Гунтерих поежился – гнев хозяина, пусть и не обращен-
ный против него, едва не заставлял кутильера втягивать го-
лову в плечи.

– Да, мессир.

– Ты думаешь, это лучшие из лучших? – Гримберт пре-
зрительно хохотнул. – Как бы не так! У императора тысячи
вассалов, вот только они столь давно погрязли в разврате,
удовлетворении противоестественных страстей и обжорстве,
что неспособны даже забраться в доспех! Куда им! Гораздо
проще интриговать друг с другом, деля плодородные земли,
аббатства, крепости и заводы. Уж в этой войне они знают
толк! Переться на восточную границу, чтобы глотать радио-
активную пыль и сражаться с дикарями-лангобардами? Вот
уж нет. Уверен, стоило господину сенешалю объявить воен-
ную кампанию на востоке, как вся эта благородная публика
бросилась врассыпную, точно перепуганные зайцы. Кто ска-
зался большим, кто дал обет не участвовать в бою весь сле-

дующий год, кто милостью епископа принял посвящение в бонифратры¹⁰ и отправился в дальние земли, кто не вовремя предпринял паломничество по святым местам...

– Вероятно, вы правы, мессир, – отозвался кутильер.

Но если он думал, что его покорность смягчит его злость, то ошибался не менее, чем незадачливый хозяин «Полуночного Грома».

Гримберт стиснул зубы.

– Весь этот сброд, что торчит сейчас в лагере, отнюдь не сливки франкского рыцарства. Напротив, это зловонная жижа, скопившаяся в отстойниках империи! Крысиная свора, слишком трусливая, чтоб проливать кровь за морем, спасая Иерусалим от неверных, но слишком жадная, чтоб удержаться от искушения поискать вкусный кусок на восточных границах. Сейчас вся эта братия хлещет дармовое вино, бряцает парадными шпорами и распевает песни во здравие императора, но стоит пасть арборийским стенам, как она обретет свое истинное лицо, обратившись стаей голодных падальщиков!

– Совершенно верно, мессир.

– Благодарение Господу, к нашей орде пока не примкнули рутьеры¹¹, но это лишь дело времени. Уверен, сейчас добрая

¹⁰ *Бонифратры* (лат. *boni fratres* – добрые братья) – католический монашеский орден, члены которого преимущественно работают в госпиталях.

¹¹ *Рутьеры* – средневековые разбойничьи банды, часто примыкавшие к армиям и отличающиеся плохим оснащением и дисциплиной.

половина их шаек, бросив резать глотки купцам на ярмарках, устремилась к Арбории, вершить свой подвиг во имя христианской веры!

Гримберт делал вид, что разглядывает пестрые рыцарские штандарты, его взгляд рассеянно скользил меж единорогов, драконов, грифонов и прочих геральдических тварей, чья биологическая нелепость иногда выглядела столь вопиющей, что ему казалось, будто он рассматривает могильник биологической лаборатории, полный неудачных образцов генетического скрещивания. Гарпии, грифоны, летучие мыши... Все не то. Сегодня ему нужен был лишь один, хорошо знакомый ему герб.

И он нашел его – поодаль, у самого края ристалищной площадки.

Ничем не примечательный штандарт, теряющийся на общем фоне и даже, пожалуй, невзрачный. Полукруглый щит, разделенный на две равные половины, в правой части которого был изображен ключ со сложной бородкой, а в левой – черная птица с расправленным крылом. Гримберт улыбнулся.

За устроенным им на ристалище спектаклем наблюдало по меньшей мере двадцать тысяч глаз, но предназначался он лишь для одного зрителя. Особенного зрителя, у которого – Гримберт чертовски на это надеялся – было лучшее место.

Чтобы не выдать своего интереса к этому штандарту, он поспешно отвел взгляд и почти тотчас поморщился.

Самые удобные места у турнирной площадки заняло баронское воинство, но там, где заканчивались вымпела и знамена, бурлила настоящая каша, в которой уже невозможно было рассмотреть ливрей и гербов. Несмотря на то что бой кончился несколько минут назад, а победитель и побежденный замерли в неподвижности, над ней плыл злой птичий клетот возбужденной толпы, все еще распаленной поединком.

Пехота. Если франкские рыцари были костями войны, на которых держалась вся императорская машина армии, пехота служила ее мясом – жестким горьким мясом, опаленным тысячами войн, но так и не сгоревшим. Здесь царил еще больший хаос, чем среди благородных зрителей. Кое-где мелькали кирасы баронских дружин, но и те почти тонули в ворающемся человеческом месиве.

Гримберт знал, что эти люди еще не скоро успокоятся. Как охотничьи псы накануне травли, они чувствовали кровь, которая еще не успела пролиться, и потому были возбуждены сверх обычного.

Сейчас этот грязный сброд ругается, отсчитывая друг другу проигранные в споре монеты, богохульствует, пьет и распевает похабные песни, не подозревая, что уже завтра кого-то из них насадят на лангобардские копыя, кому-то проломают голову шестопером, а кого-то бросят подыхать на поле боя с распоротым осколками животом. И если вчерашние дружки еще вспомнят про него, то только для того, чтоб стя-

нуть с него, еще хрипящего, сапоги.

Но это будет завтра, а пока они горланят и ругаются, деля еще не завоеванную добычу и рыча друг на друга. Злобная и заряженная колючей энергией биологическая масса, слишком примитивная, чтоб быть разумной, слишком агрессивная, чтобы эволюционировать. Слишком...

Гримберт не ощущал по отношению к ней ничего, кроме брезгливости, и лишь вкус недавней победы приглушал это ощущение. Победа была заслуженной и честной, все остальное сейчас не имело значения. А главное – она была только началом.

* * *

– До черта народа, – пожаловался он. – Уму непостижимо, сколько пехоты нагнал господин сенешаль. Не удивлюсь, если он дождется вспышки чумы или чего похуже...

– Восемь тысяч человек, – с непонятной гордостью произнес Гунтерих, уловив направление его взгляда. – Семь полнокровных полков аквитанских пикинеров, которых привел сенешаль, полк иберийских касадоров, две тысячи тяжелой пехоты, тысяча аквитанских аркебузирова...

Неуместная гордость в голосе кутильера отчего-то разозлила Гримберта.

– Я бы не дал за это сборище и горсти куриного помета, – зло бросил он. – Единственное, на что годна пехота – не

подпускать к рыцарям всякую лангобардскую шваль с ручными гранатами, да разбирать баррикады на улицах. Рыцарский кулак – вот что проломит стены Арбории!

– Да, мессир, – покорно согласился Гунтерих, опуская голову. – Вы, без сомнения, правы.

Гримберт повел взглядом по верх голов. Он всматривался не в лица – они представляли для него не больше интереса, чем земля под ногами, он всматривался в знамена, полощущиеся на ветру.

Это пустяк, это можно не принимать в расчет, это и вовсе никчемная дрянь...

За привычными его глазу полотнищами, украшенными графскими и баронскими гербами, виднелись прочие, по ниже и победнее. Выглядающие зачастую так жалко, будто прежде служили своим владельцам простынями. Ни геральдических животных в нелепых позах, ни претенциозных девизов, ни разномастных крестов, одни лишь грубо намалеванные символы, по большей части незнакомые ему. Переломленный меч, выщербленный щит, ястребиный коготь, разрубленная монета...

– Почему наемникам позволили находиться в общем лагере? – процедил он. – Немедля вышвырнуть их прочь за ограду. Непозволительно, чтоб эти ублюдки крутились между порядочными людьми! Не говоря о том, что они часто несут с собой холеру, вшей и проказу. Выгнать взащей!

– Приказ сенешаля. – Гунтерих не осмелился поднять

взгляд на хозяина. – Некоторые подошли еще ночью, другие подтягиваются до сих пор. Кимвры, хатты, херуски...

– Видно, дела у нас хуже, чем я думал, раз уж господин сенешаль поспешил заручиться их помощью, – холодно заметил Гримберт. – От этого сборища разит, как от стаи шакалов. Господи помилуй, херуски! Да эти ленивые болваны не знают, с какой стороны ствол у аркебузы!

– Да, мессир, – согласился Гунтерих, отводя отчего-то взгляд. – Их воинская выучка не произвела на меня благоприятного впечатления. Но, говорят, они весьма стойки в обороне...

– Будь уверен, это не из-за излишков храбрости. Скорее, они слишком тупы, чтобы обратиться в бегство, даже когда чувствуют паленую шкуру со своих задниц. Омерзительное племя, с которым ни один уважающий себя полководец даже связываться не станет! На месте Алафрида я приказал бы выгнать эту ораву прочь! Разве что он намеревается использовать их в качестве пушечного мяса, чтоб заполнить крепостные рвы Арбории... Или взять хаттов! Тебе приходилось иметь дело с хаттами?

– Н-нет, мессир.

– А мне приходилось, и не раз. Без сомнения, отважные воины. Бесстрашные, как дикие вепри. Я видел, как они орудут своими пиками, как поднимают на ножи врагов, как наступают по телам своих же павших товарищей... Вот только особой буллой Папы Римского им запрещено брать в ру-

ки огнестрельное оружие под страхом отлучения от Церкви! Какая-то мутная история столетней давности... Вообрази себе, какой толк от них будет при штурме Арбории? Лангобарды тоже варвары, но они отлично управляются с артиллерией и знают, с какой стороны держать аркебузу. Чертовых хаттов перемелют в муку еще на подходе к городу!

– Да, мессир.

– Про кимвров я и слышать не хочу. Святой Престол, может, и признал их христианами, да только у последнего сарацина больше представления о христианской душе, чем у этих вчерашних язычников. Город еще не успеет пасть, а они уже разожгут на улицах свои проклятые ритуальные костры и, как пить дать, предадутся каннибальским трапезам, вырезая у мертвецов сердца и печень! Превосходная компания подобралась. – Гримберт оскалился. – И это самое крупное выступление императорских войск за последние пять лет, подумать только! О ком еще мне стоит узнать, Гунтерих? Может, у нас в подкреплении имеется сотня боевых мавров? Или, допустим, отряд раскаявшихся еретиков? Отчего бы и их не включить в наше славное воинство?..

– Еще квады, мессир.

Гримберт стиснул зубы. Так вот отчего Гунтерих все это время отводил взгляд. Он уже знал, знал заранее, и боялся сообщить новость своему господину, вполне верно представляя его реакцию.

– Квады? – медленно произнес он, стараясь не выдать то-

ном охватившей его ярости. – Сенешаль нанял наемников из племени квадов для этого дела?

– Да, мессир.

– Почему мне не доложили?

Судя по движению кадыка на тощей шее Гунтериха, его кутильер только что сглотнул слюну и, кажется, справился с этим не без труда.

– Вы были заняты, мессир. Я не осмелился отвлекать вас в бою.

– И сколько этих чертей околачивается тут, в нашем войске?

Гунтерих почти не задумался, значит, помнил все на память. Что ж, хорошая память тоже весомое подспорье для рыцаря.

– Три сотни, мессир. Около десятка бронированных штурмовых трициклов и пехота. Я не видел их бумаг, но слышал, что у них на руках кондотта¹², заключенная с императорским сенешалем.

Гримберт сделал три или четыре размеренных вдоха, чтобы унять тлеющие в душе искры гнева, не дав им породить пожар. Иногда выплеснуть гнев бывает полезно, но сейчас... Сейчас ему как никогда нужна выдержка, та самая, что помогала ему сохранять хладнокровие даже в разгар боя, стиснутому со всех сторон раскаленной броней.

¹² *Кондотта* – распространенный в средневековой Италии договор о найме на воинскую службу.

Во имя всех грехов Папы Римского, какого дьяволу Алафриду вздумалось привлечь к этому делу квадов? Неужели в империи мало варварских племен, готовых предложить свои скудные силы в обмен на чеканную монету? Ведь есть же хатты, свеи, даны, бавары, гермундуры, неметы... Есть наханарвалы, наконец, юты, тубанты... Но нет, Алафриду непременно надо было притащить с собой грязных квадов!

«Потому что они лучшие головорезы из всех, которых только могут предложить восточные окраины империи, – ответил он сам себе. – Самые вышколенные, самые дисциплинированные, самые преданные. Это общеизвестно».

Отец тоже так считал. Его личная сотня состояла исключительно из квадов, лично отобранных, преданных, прошедших с ним все круги ада. Вот только отец никогда уже не поднимет свой стяг на этом поле...

Гримберт попытался заблокировать эту мысль. Мысль была мелочная, не имеющая большой важности, однако она мгновенно отравила ту легкость, что царила в его душе после выигранного боя. Точно ядовитое насекомое, пробравшееся в бочку и испортившее вкус изысканного вина.

– Я прикажу пустить квадских наемников в авангарде, – произнес он вслух. – И сам пойду следом за ними. Если хотя бы одна квадская мразь заколеблется в бою... Что ж, когда я ступлю на мостовую Арбории, ноги «Золотого Тура» будут заляпаны в их проклятой крови.

– Да, мессир. – Гунтерих покорно кивнул. – Именно так,

мессир.

Гримберт отвернулся от толпы, еще подвывающей от переполняющего ее азарта, оглушительно улюлюкающей и хрипящей в тысячи глоток. Плевать, подумал он. Всякий план состоит из множества деталей, и только идеальное их сочетание превращает план обыденный в план совершенный. Он потратил чертовски много времени и сил, подгоняя детали друг к другу, но все это были важные детали, имеющие большое значение. Нет смысла беспокоиться о прочих. Квады так квады. Не имеет значения.

– Плевать на квадов, – отрывисто произнес он. – Это не моя кампания. В этот раз нашей сворой командует господин сенешаль. И если старику Алафриду не терпится разорить императорскую казну, кто я такой, чтобы препятствовать ему?

– Кто ты такой, Гримберт? Охотно скажу тебе, раз ты сам затрудняешься. Ты – самоуверенный болван!

* * *

Гримберт усмехнулся.

Вот что бывает, когда позволяешь мыслям чересчур увлечь себя. Утрата внимания, ослабление бдительности, и вот, пожалуйста, – уже несложно застать тебя врасплох. Не самый страшный грех для рыцаря, но чертовски неприятная слабость из числа тех, которые он не прощал своему окру-

жению. Как и самому себе.

– Я устал и не жду гостей. Зачем явился, Магнебод?

Его гость издал сухой смешок, похожий на треск надломанной ветви.

– Чтобы засвидетельствовать вам свое почтение в связи с выдающейся победой на ристалище, мессир. Потрясающий бой!

Гримберт со вздохом покачал головой.

– Твой голос выдает тебя с головой. Он столь фальшив, что вздумай хоть один фальшивомонетчик лить из него монеты, с него уже содрали бы шкуру.

– Ну что ты, что ты... Бой и в самом деле был восхитителен. Против кого в следующий раз ты выйдешь на бой? Против хромой курицы? Это не сильно-то изменит расстановку сил!

Гримберт вздохнул с преувеличенной скорбью:

– Тяжкие времена настают во Франкской империи, раз рыцари позволяют себе насмеяться над собственным сюзереном.

Магнебод вновь издал смешок. Коренастый и крепко сбитый, он походил на рыцаря не более, чем мельница походит на графский замок, однако же был рыцарем – самым старшим и опытным во всем знамени Туринского маркграфства. Тяжелый, растерявший с годами остатки стройности, он и в самом деле казался неуклюжим, как мельничный жернов, обернутый во много слоев ткани, но люди, имевшие

неосторожность усомниться в его рыцарских качествах, зачастую были вынуждены изменить свое мнение, причем самым неприятным образом – в бою «Багряный Скиталец» Магнебода стоил десятерых, пируя на поле боя подобно вывобожденному из адских глубин демону.

Магнебод тряхнул головой. Он определенно был не в духе и к тому же совершенно трезв. Опасное сочетание качеств для человека, которого многие в Туринской марке и за ее пределами именовали – правда, лишь за глаза – старым разбойником.

– Баронский доспех тяжелого класса весом в полторы тысячи квинталов¹³ против самого «Золотого Тура»? И ты в самом деле ждешь похвалы? Не много же чести в такой победе! У бедного малого не было даже шанса поцарапать твою броню!

Гримберт ощутил себя немного уязвленным. Упрек старшего рыцаря был простодушен и груб, однако иногда даже стальная болванка пробивает закаленную броневую плиту, если угодит в подходящее место и обладает достаточным запасом кинетической энергии.

– Никто не заставлял этого недоумка принимать вызов, – пожал плечами он. – Я дал ему возможность извиниться, но он ею не воспользовался. Не моя проблема в том, что калибр его пушек не соответствует размеру его чести. На будущее будет умнее – когда его доспех починят...

¹³ Здесь: примерно 73 тонны.

– Мессир!

Гунтерих осторожно кашлянул, привлекая к себе внимание. Гримберт собирался сурово его отчитать за вмешательство в беседу старших, но быстро сообразил, что это не в характере его кутильера. Если Гунтерих и позволил себе перебить рыцаря, значит, на то были веские причины.

– Чего тебе?

– Сообщение, мессир. – Гунтерих вновь кашлянул в подставленный кулак. – Радиосигнал.

– Ох, что там? Сводка погоды?

– Нет, мессир. Сообщение от вашего доверенного корреспондента с особым префиксом. Вы приказали немедленно докладывать обо всех вестях от него.

Гримберт одобрительно ему кивнул.

Молодец, смекаешь. Нет нужды называть имена, которые могут упасть в чужие уши. Пусть это даже уши Магнебода, старшего рыцаря его знамени.

Пока рано. Пока еще рано.

– Сигнал в метровом диапазоне, мессир. Сигнатуры кодов проверены, все сходится.

– Вот как? И что же этот собеседник собирается мне сообщить?

– «Глухарь уже на току». – Гунтерих перевел дыхание, словно пробежал, по меньшей мере, лигу. – Он сказал, вы поймете, что это значит.

– И что это значит? – осведомился Магнебод, хмурясь.

Гримберт широко улыбнулся.

– Не бери в голову.

За его спиной слуги и оруженосцы уже принялись за «Тура». Несмотря на то что бой был скоротечен, доспеху требовалось надлежащее обслуживание. Люди облепили гиганта, как муравьи, каждый знал свою часть работы и обладал достаточной сноровкой и опытом, чтоб делать ее безупречно.

Самую тяжелую работу взяли на себя сервусы, бездумные биологические машины с пустым, точно бесцветное лангобардское небо, взглядом. Способные лишь к выполнению самых простейших операций, однако наделенные огромной силой, они снимали броневые пластины обшивки, чистили банниками еще раскаленные орудия и загружали в боеукладку снаряды – уже не имитационные, а боевые. Иногда сервусы сталкивались между собой или роняли на землю инструмент, и тогда слуги беззлобно отвешивали им тумаки, которые те, впрочем, даже не ощущали. Уцелевших нейронов в их черепах не хватало для того, чтобы понять смысл боли или ощутить все ее многообразие, Святой Престол давно избавил их от нее, как и от многих прочих вещей.

Более тонкую работу выполняли оруженосцы и пажи. Вчерашние мальчишки, они с обезьяньей ловкостью взбирались по доспеху на самый верх, чтоб отполировать сияющую на солнце сталь и бережно протереть тряпицами антенны. Самые проворные уже бережно терли герб Туринской марки на груди великана – замершего на синем поле ярко-желтого

тельца.

Гримберт с удовольствием обвел взглядом контур своего доспеха. Исполинского роста, возвышающийся выше антенной мачты, сияющий свежим золотом, уставивший в землю зевы своих двенадцатидюймовых орудий, он внушал почтение и трепет, даже будучи лишенным той искры, что давала ему жизнь, – самого Гримберта. Тысячи квинталов брони, водруженной на мощнейшие опоры, прячущие внутри самое сложное оборудование из всего, что только мог предложить Святой Престол, «Тур», как бы богохульно это ни звучало, выглядел исполинским золотым изваянием, водруженным в центре походного лагеря.

В свое время, вспомнил Гримберт, ему даже пришлось выдержать серьезную битву с епископом Туринским за право даровать своему доспеху надлежащую цифровую сигнатуру. Он должен был именоваться «Золотым Туром» и никак иначе. Однако епископ категорически возражал против этого имени, полагая его еретическим, отсылающим к презренному идолу, что изготовил из золота Аарон, брат Моисея, когда тот поднялся на гору Синай¹⁴. Чтобы убедить епископа забыть про свои предубеждения, ему потребовалось четыре с половиной тысячи флоринов, что составляло пятьсот десять тройских унций¹⁵ золотом. Вполне изрядный вес для

¹⁴ Исход 32:1–4.

¹⁵ *Тройская унция* – средневековый стандарт для измерения драгоценных металлов, равный 31,1 грамма. Здесь: примерно 15 кг.

подкупа прелата такого уровня, однако Гримберт для надежности увеличил его еще на четверть ливра бумаги – именно такую массу имело одно личное письмо, кстати оказавшееся у него, живописующее некоторые привычки, которые его преосвященство приобрел во время своей службы в мужском монастыре Монте-деи-Капуччини. Совокупный вес его подношения оказался как раз достаточным для благоприятного разрешения вопроса. В самом скором времени епископ Туринский самолично освятил «Золотого Тура», назвав его надеждой восточных земель и непобедимым рыцарем, несущим в сердце свет христианской веры.

Святошам еще не раз довелось согреть свои руки теплом туринской казны. За то, чтоб заполучить в свое распоряжение технологии, охраняемые Святым Престолом, тоже предстояло изрядно раскошелиться. Фазированная антенная решетка – шесть тысяч флоринов. Гироскопические датчики угловой ориентации – четыре тысячи. Система искажения магнитного поля – восемь тысяч. Комплекс активной защиты – четырнадцать...

Это было похоже на сооружение монументального дворца, каждая колонна которого призвана была затмить величие обители императора в Аахене. Счета росли день ото дня, вводя в ужас его майордома и вызывая оторопь у казначея. Противоккумулятивные экраны. Металлокерамическая защита бронекapsулы. Особые марки гомогенной брони для защиты ходовой части. Черт возьми, одна только система

управления огнем, способная сопровождать две дюжины активных целей, обошлась ему в целое состояние!

Часть этих технологий он мог бы получить по куда более сходной цене – если бы согласился принять постриг в какой-нибудь монашеский орден из числа тех, что сотнями прилепились к туше империи, подобно тому, как бубоны прилепляются к телу страдающего от чумы. Но Гримберт по здравом рассуждении отказался от этой мысли. Оммаж по отношению к императору и без того налагал на него многие и многие обязанности как вассала, однако отдавать свою душу и тело в распоряжение Святого Престола определено было чревато не меньшими хлопотами. Ему не улыбалось окончить свои дни в радиоактивной канаве где-то под Иерусалимом. Не до того, как он закончит намеченные много лет назад дела.

Уму непостижимо, в какую невообразимую сумму он обошелся казне Туринской марки, но Гримберт помнил ее до последнего медного оболла. За эти деньги он, пожалуй, мог бы увеличить площадь своих владений по меньшей мере на тысячу квадратных арпанов¹⁶ хорошей плодородной почвы, не испорченной радиоактивными осадками, промышленными ядами и кислотой. Но выбрал доспех, хотя к тому моменту, когда его проектирование было поручено лучшим милан-

¹⁶ *Arpáin* (фр. *arpent*) – старинная французская единица измерения длины, равнявшаяся 180 парижским футам, примерно 58,52 м. Также единица измерения площади, равнявшаяся квадратному арпану, то есть 32 400 квадратных парижских футов или около 3 424,5904 м²

ским инженером, уже сознавал – истинная сила измеряется отнюдь не в дюймах орудий главного калибра и не в квинталах закаленной брони. Есть в мире силы, которые управляют течением вещей куда более эффективно...

Чертовы мальчишеские комплексы, от которых так тяжело отказаться, заполучив в руки полноценную власть! Он знал, как будет выглядеть его «Золотой Тур», знал задолго до того, как тому суждено было воплотиться в металле. Бессонными ночами представлял его огромные наплечники, служащие бронеколпаками для орудий главного калибра, огромные, точно церковные купола. Грезил сложным устройством лобовой брони, мысленно размечал расположение радаров и автоматических батарей...

Броня «Тура» под тряпками снующих оруженосцев быстро возвращала себе золотой блеск. Ее не портила ни одна царапина, ни одна оспина вроде тех, что остаются в точке прикосновения кумулятивных струй или бронебойных снарядов. Любой из имперских доспехов, стащи с него транспортировочные чехлы и брезент, возле «Золотого Тура» выглядел бы крестьянской клячей на фоне породистого андалузского жеребца.

Единственное, чем «Золотой Тур» не мог похвастать перед самодовольными собратьями, собранными сенешалем со всех концов империи, так это сигналами на броне. Эти примитивные знаки, свидетельствующие о пережитых доспехом и его владельцем битвах, всегда казались ему никчемными

и жалкими, похожими на те еретические письма, которыми татуируют свою кожу дикие еретики. Не сигнуны свидетельствуют о доблести рыцаря, пусть даже он щеголяет целой сотней их, отнюдь не сигнуны...

Магнебод недовольно рыкнул. Разглядывая внушительные обводы «Тура», Гримберт совсем позабыл о нем и, кажется, напрасно. Судя по тому, как старый рыцарь взирал на него, он не был удовлетворен полученным ответом. Напротив, казался мрачным и насупленным, словно походный лагерь уже был со всех сторон окружен полчищами кровожадных, ошестинившихся копьями лангобардов.

– Ты ведь знаешь, с кем ты разделался? – спросил он, скрипнув зубами. – Знаешь, ведь так?

– Какой-то рыцарь из министерялов¹⁷, – легкомысленно отозвался Гримберт. – Их в последнее время расплодилось больше, чем мышей на кухне. Черт, я даже имени его не помню. А что тебе до него?

– Мне? Ничего! – резко оторвался Магнебод. – Но есть люди, для которых это кое-что да значит. Например, его сиятельство граф Женевы. Что-то мне подсказывает, он будет очень недоволен. И хорошо, если высказать свои претензии он явится к тебе, а не к императорскому сенешалю!

Вкус вина вдруг показался Гримберту выдохшимся, застоявшимся. Но едва ли в этом был виновен маркграфский

¹⁷ *Министерял* – мелкий рыцарь, «выслуживший» право на титул обычно через занятие определенной должности.

виночерпий. В мире есть имена, которые одним только своим звуком могут испортить самый изысканный вкус, превратив вино в едкий уксус. Покатав вино во рту, Гримберт сплюнул его в траву. Рядом тут же возник слуга, чтобы вновь наполнить его кубок. Другой поспешно протер его подбородок шелковым лоскутом, смоченным бальзамическим уксусом. В их движениях не было надлежащей сноровки, но сейчас Гримберт готов был закрыть на это глаза. Походная жизнь, увы, имеет свои недостатки, в том числе отсутствие вышколенных дворцовых слуг.

Здесь не было многих привычных ему вещей. Мраморной прохлады Туринского дворца, бархатного шелеста фонтанов, прелестных куртизанок, чьи тела улучшены придворными хирургами для вящей соблазнительности настолько, насколько это может выдержать человеческая физиология...

Вместо всего этого – сухое лангобардское небо, кажущееся растянутой над головой бесцветной ветошью, скудная истощенная почва и все прелести походного лагеря – шум, вонь, брань и необходимость наблюдать вблизи за жизнью черни, пусть и напялившей на себя доспехи. Миазмы грязных тел доставляли Гримберту физическое страдание, несмотря на все усилия слуг и огромное количество благовоний.

А еще квады... Даже сейчас, огражденный от толпы черни многими туазами пустого пространства, он до сих пор слышал обрывки их грубой гортанной речи. Скорее всего,

обычная психосоматика, чистое самовнушение, но... Гримберт едва не прокусил губу, представив, до чего заманчиво было бы забраться в «Тура» и перевести в боевой режим фугасные огнеметы, чтоб сделать сотворенный Господом мир, истерзанный великим разнообразием грехов, хоть немного чище...

«Спокойно, – одернул он себя. – Время сладостных мечтаний прошло. Теперь все серьезно – чертовски серьезно». И лучше бы ему сохранять трезвость мысли на ближайшие дни, потому что именно эти дни все и решат.

– Не стоит придавать слишком большое значение обычным случайностям, Магнебод, – небрежно произнес он.

Любой другой рыцарь Туринского знамени, уловив намек сеньора, счел бы за лучшее раскланяться, заодно принеся извинения и уверения в глубочайшем почтении. Однако Магнебод лишь хрипло хохотнул. Представить его извиняющимся или отвешивающим почтительный поклон было не проще, чем вообразить пророка Мухаммеда в Папской тиаре.

– Обычным случайностям... – повторил он вслух. – Вот ведь как забавно, что ты об этом вспомнил, причем именно сейчас.

– Забавно? Отчего же?

– Я уже не молод, Гримберт. Многие твои рыцари бахвалятся одержанными победами и именами завоеванных любовниц, я же счастлив в те дни, когда, выходя из сортира, не

забываю натянуть шоссы¹⁸. Однако кое-что я помню так же отчетливо, как и сейчас. Например, времена, когда мне приходилось гонять тебя, точно ленивого ишака, угощая хворостиной поперек спины и обучая тем наукам, которые положено знать рыцарю. Тебя и твоего приятеля, того пажа, как там его звали...

«Аривальд, – подумал Гримберт. – Его звали Аривальд, и спорю на тысячу полновесных флоринов против старого желудя, что ты помнишь это так же прекрасно, как и все прочее».

– Ты был моим наставником, Магнебод, – произнес он, едва заметно качнув головой. – Но если ты думаешь, что это дает тебе право отбирать у меня время, радуя слух упоительным старческим брюзжанием о прежних временах...

Магнебод бросил на него взгляд из-под клочковатых бровей. Сухой, тяжелый, кряжистый, облаченный в невообразимо древний дублет, выгоревшая позолота на котором напоминала клочья бледно-желтого мха, он больше походил на старую корягу, чем на человека. Может, из-за того, что его лицо было покрыто глубокими, как трещины на столетней коре, морщинами, а может, иллюзия эта возникала из-за его низкого скрипучего голоса.

– Когда-то я пообещал твоему отцу, что сделаю из тебя рыцаря. И, черт возьми, мне это удалось, хоть и не без труда.

¹⁸ *Шоссы* – часть средневекового мужского костюма, длинные чулки, крепящиеся к поясу.

Ты всегда был смышленным мальчишкой, Гримберт, но...

– Что?

– А еще ты причинял мне больше мук, чем чирьи на моей старой заднице после трехдневного марша.

* * *

Магнебод презирал маневры уклонения, презрительно именуя их танцами. Сам он никогда не совершал обманных бросков, не путал противника сложной траекторией, состоящей из финтов, ложных маневров и прочих хитростей. В основе его тактики было предельно быстрое сближение с противником вплоть до дистанции действенного огня, на которой восьмидюймовые орудия¹⁹ его «Багряного Скитальца» кромсали вражеские машины, точно крестьянская коса – цыплят.

Той же тактики он придерживался и в разговоре.

– Вполне вероятно, – легко согласился Гримберт, начиная испытывать легкое утомление от этой беседы. – В юные годы я, помнится, был весьма непоседлив. Юношеский пыл в сочетании с рыцарскими романами – коварная смесь. Легковоспламеняющаяся, как гидразин²⁰, и такая же опасная. Но у меня было время набраться ума.

– Ума... – пророкотал Магнебод. – Вот уж чем ты точно

¹⁹ Восемь дюймов – 203 мм.

²⁰ Гидразин – высокотоксичное ракетное топливо.

не мог похвастаться в ту пору! Помнишь, когда тебе было двенадцать, ты расстрелял из пулеметов сервуса-виночерпия прямо у меня перед носом. Оставил меня без выпивки и едва не заставил намочить портки. Помнится, вы с Аривальдом прямо покатывались со смеху...

Гримберт ощутил колючую досаду, шевелящуюся где-то под печенью.

Аривальд. Имя это кольнуло мягко под ребрами, точно проснувшийся на миг осколок, засевший много лет назад. Впрочем, скорее это ощущение имело куда более объяснимый характер – это его собственная печень пыталась справиться с продуктами распада тех хитрых химических коктейлей, что он поглотил во время боя.

– Еще бы не помнить, – ответил он с улыбкой. – В наказание ты гонял нас по чертову полигону до самого заката, а потом поставил на целую ночь в караул, и мы с Вальдо замерзли, как щенки...

Магнебод ослабился, демонстрируя небогатый набор пожелтевших от времени зубов.

– А надо было стащить с тебя гамбезон и отхлестать ремнем! Так, чтоб отцовский церемониймейстер еще неделю упрашивал тебя сесть хотя бы на время трапезы!

Гунтерих, порозовев, поспешил удалиться, сделав вид, будто младшие оруженосцы, надраивающие броню «Золотого Тура», никак не смогут справиться с этой работой самостоятельно, не нуждаясь в его указаниях. Гримберт мог по-

нять его смущение. Не каждый день какой-то рыцарь отчитывает твоего господина, всесильного владетеля Туринской марки, точно какого-нибудь проштрафившегося слугу.

Гримберт вздохнул.

Иногда Магнебод вел себя, как неотесанный варвар, больше напоминающий дикого лангобарда, чем доброго христианина, занимающего к тому же главенствующее положение среди рыцарей Туринской марки. Вздумай любой другой рыцарь его знамени обратиться к своему сеньору в подобном тоне, расплата была бы мгновенной. И достаточно значимой, чтобы имя незадачливого рыцаря на долгое время сделалось жутковатым символом того, на какую участь обрекает себя всякий вассал, утрачивающий уважение к своему сюзерену.

Но Магнебод...

На правах старого наставника он пользовался рядом привилегий, которые Гримберт не в силах был отменить. Ему прощалось все – и недостаточная почтительность, и наглость, и его безумные кутежи, которые долго с содроганием вспоминали в Турине, и многое другое, немислимое не только для рыцарей, но и для особ двора.

Старший рыцарь Туринской дружины, в бою исполнявший роль правой руки маркграфа, он не выглядел и в половину так внушительно, как ему полагалось. Ни изысканных биологических имплантов, ни регалий, ни даже обычных украшений, принятых в рыцарском кругу, один только дублет, древний, как библейская хламида, который он носил

в любое время года, украшенный вместо орденов россыпью старых винных пятен.

В Турине над старым рыцарем посмеивались, хоть и за глаза. Незнакомый с придворным этикетом, по-крестьянски грубоватый, не мыслящий жизни без выпивки, охотно украшающий свою речь бранными словцами, так и не осиливший к старости грамоты, он заявлялся ко двору не чаще пары раз в год, неохотно покидая свой медвежий угол, по большей части ради очередной шумной пирушки, на память о которой маркграфскому казначею оставались объемные счета, перебитая мебель и пара свернутых набок благородных носов. Неудивительно, что за мессиром Магнебодом даже среди туринских рыцарей ходила слава отпетого бретера, варвара в доспехах, дармоеда и выпивохи.

Впрочем, никто из этих рыцарей с похвальной предусмотрительностью не пытался высказать подобные претензии вслух – горячий нрав Магнебода в сочетании с чудовищной мощью его «Багряного Скитальца» оставляли мало шансов смельчаку на благоприятный исход.

Гримберту потребовалось ощутимое душевное усилие, чтобы превратить кислую гримасу на собственном лице в легкомысленную улыбку.

– Я был вздорным мальчишкой, Магнебод. А ты – брюзжащим тираном, который упивался своей властью. Довольно об этом. Мы оба попортили друг другу в ту пору порядочно крови.

Магнебод тряхнул своей клочковатой бородой.

– Я пытался вырастить из тебя рыцаря, Гримберт. Как того желал твой отец.

– Разумеется. А когда мне пришло время получить свой первый доспех, ты распорядился выдать мне консервную банку, столь ветхую и никчемную, что надо мной еще три года потешались все отцовские рыцари. Как там его звали?.. «Радетель Истины»?

– Но ты переименовал его в «Предрассветного Убийцу», только лишь чтоб досадить мне.

– Черт побери, Магнебод! – вырвалось у Гримберта. – Мне было девять!

Магнебод молча вырвал из рук пробежавшего слуги бутылку с вином и, скусив пробку, одним движением влил в себя добрую четверть модджо²¹. Так, точно это было дрянное вино из придорожного трактира, а не драгоценный сок миланского «Карпано» по двадцать денье за бутылку.

– Не удивлюсь, если ты нарочно потерял его в том лесу, чтобы отец раскошелится на новый доспех, – пробормотал он, отдуваясь.

Гримберт покачал головой.

– Мне нравилась эта машина. Я был к ней привязан – по-своему. Ладно, довольно. Я могу поверить в то, что господа из Аахена мочатся поутру чистой «кельнской водой»²², но

²¹ *Модджо* – средневековая итальянская мера объема, равная примерно 4 л.

²² *Кельнская вода* – первоначальное средневековое название одеколona.

только не в то, что мой старший рыцарь в день перед началом военной кампании вздумал предаться совместным воспоминаниям о славных старых деньках.

– В тот раз ты сказал, что выстрелил не нарочно. Досадная случайность. – Магнебод смерил его взглядом тусклых глаз, похожих на потерявшие блеск окуляры рыцарского доспеха, давно не знавшие полировки. – Произвольное срабатывание оружейного привода, так?

– Возможно. Что с того?

– Двумя годами позже майордом твоего отца скоропостижно скончался, впрыснув себе экстракт белладонны вместо настойки опия.

Гримберт пожал плечами.

– Он никогда не отличался должной внимательностью. Неудивительно, что дела Туринской марки при нем были столь запущены, а вместо звона золота из казны доносилось лишь шуршание долговых векселей.

Магнебод, прикончив вторым глотком бутылку, буркнул в покрасневшую от вина бороду:

– Тоже случайность. Как и в тот раз, когда граф Кавур нелепо погиб прямо в бронекapsule собственного доспеха.

– Стечение досадных обстоятельств, – вздохнул Гримберт. – Уверен, ничего подобного не произошло бы, если бы не распустил своих бездельников-оруженосцев. Это их работа – следить за энергосистемой доспеха, не так ли?

– Он получил сорок тысяч вольт прямо в затылок, через

нейроштифт, – заметил Магнебод. – Говорят, вместо головы у него на плечах остался кусок угля размером с еловую шишку.

– А еще говорят, что граф Кавур в кругу своих друзей не раз выражал сомнения в том, по праву ли я принял маркграфскую корону. И, более того, уже серьезно задумывался насчет сговора с венецианскими купцами, чтобы те подбросили ему денег на мятеж... Согласись, эта случайность сэкономила много крови мне и моим подданным.

Старый рыцарь осторожно склонил голову.

– Кажется, тебе чертовски везет, а?

Гримберт ощутил, как напрягаются под гамбезоном мышцы. Возможно, остаточное явление после нейрокоммутации, а может, бессознательная реакция его тела на угрозу.

Глупости. Здесь, в окружении верных рыцарей Туринского знамени, посреди военного лагеря, которым заправляет сенешаль Алафрид, он в такой же безопасности, как у Господа за пазухой. Что до Магнебода, он с легким сердцем вручил бы тому на сохранение свою бессмертную душу – если бы, конечно, был уверен в существовании у себя столь тонкой субстанции.

– Что ты имеешь в виду?

– Случайности. – Магнебод не любил жестикулировать и часто жаловался на старые суставы, а потому лишь скупно обозначил жест коротким движением пальца. – Все те случайности, которые неизменно возникают вокруг тебя, точно

путаны вокруг ландскнехта, вернувшегося из похода, норовя урвать монету.

Гримберт широко улыбнулся. Отчасти, чтобы скомпенсировать кислый привкус, внезапно появившийся во рту, едкий, как уксус.

– Мы живем в мире, созданном Господом, Магнебод. Не нам корить Его за то, что всех правил мироустройства мы, Его создания, не в силах уразуметь. Быть может, все то, что мы считаем случайностями, это Его воля?

Забавно, что Магнебод заговорил об этом. И именно сейчас, после поединка.

Случайности.

Когда-то он презирал их, еще сильнее, чем презирал всех тех, кто мешает свободному течению жизни, – мятежных баронов, папских нунциев²³, самозванных лжесвятых, сборщиков податей, коварных еретиков, погрязших в ереси, самовлюбленных владетелей, пыжащихся от собственной гордости кардиналов... Всякую случайность он находил не проявлением Господнего вмешательства, как некоторые святоши, а личным оскорблением, свидетельством того, что план, выверенный им в деталях, с безжалостной точностью, неидеален. Что его тончайшие детали, как бы безукоризненно ни были они собраны в сложный механизм, имеют сокрытый изъян. Изъян, который может бесповоротно испортить задуманное, уничтожить годами выстраиваемые схемы, тонкие и

²³ *Нунций* – дипломатический представитель Папы Римского.

призрачные, как линии траекторий в визоре «Золотого Тура».

Он научился с ними бороться, хоть на это и ушли годы. Не уничтожать, но ставить себе на службу, точно наемников или колеблющихся вассалов, заставляя играть в свою пользу. Тонкая, невероятно кропотливая наука, которой не обучают ни господа прелаты, ни отцовские учителя, пичкавшие его латынью, риторикой и искусством сложения миннезангов²⁴.

Случайности сделались его союзниками и соучастниками. Уже не в мальчишеских проделках, как бывало. В куда более серьезных затеях, включая те, о которых Магнебоду не стоило знать даже по долгу службы.

* * *

Гримберту не хотелось продолжать разговор. И так порядком затянувшийся, он явно не приносил удовольствия переминающемуся с ноги на ногу Магнебоду. И уж подавно казался бессмысленным самому Гримберту.

Он отпил немного вина, делая вид, что разглядывает лагерь.

Разглядывать, по большому счету, было нечего, все походные лагеря похожи друг на друга. Котел с густым чело-

²⁴ *Миннезанг* – жанр поэзии, имеющий романтический оттенок, часто на рыцарскую тематику.

веческим варевом, клокочущим на огне сдерживаемой ярости. Этот был разве что больше прочих. Народу набилось столько, что драные солдатские палатки почти вплотную соседствовали с пестрыми шелковыми шатрами, над которыми развевались рыцарские вымпела. Чуть поодаль виднелись силуэты доспехов, заботливо прикрытые мешковиной и брезентом, этакие огромные бесформенные валуны, еще не явившие свою силу. Осадные орудия разместились неподалеку, без интереса изучая своими огромными глазницами низкое, обожженное солнцем небо Лангобардии.

От многочисленных костров доносились смех и пререкания на великом множестве наречий, среди которых Гримберт с отвращением улавливал царапающие слух нотки квадского диалекта. Даже пахло здесь так, как и должно пахнуть в любом лагере – подгоревшей кашей, лошадиным навозом, керосином, ладаном и оружейным маслом. Гримберт поморщился и для виду прикрыл нос тонким кружевным платком, поспешно поднесенным одним из слуг.

«Пожалуй, время вернуться в свой походный шатер», – подумал он. Выпить еще вина. Может, впрыснуть себе порцию какого-нибудь легкого зелья, чтобы согнать неизбежную после нейрокоммутации усталость, послушать струнную музыку... Походный лагерь, конечно, не мог предоставить ему и сотой доли тех удобств, что палаццо в Турине, но сейчас ему не требовались ни изощренные оргии, ни оглушающие зелья. Только немного времени, чтоб восстановить полное

самообладание.

Если он все рассчитал верно, гости пожалуют уже скоро. А значит, ему стоит приложить усилия, чтобы выглядеть гостеприимным хозяином. Невидимые шестеренки уже начали крутиться, и многие части сложного механизма пришли в движение. Он должен быть уверен, что все произойдет в точном соответствии с задуманным, а для этого...

– Я не учил тебя этому.

– Что?

Удивительно, кажется, Магнебоду удалось застать его врасплох. Гримберт разозлился на себя – давно, очень давно он не позволял никому застать себя врасплох.

Магнебод тяжело засопел. Грузный, располневший, в своем жалком дублете, трещащем по всем швам и ветхом от времени, он не являл собой грозного зрелища, однако взгляд его, брошенный в упор, неизменно заставлял всякого собеседника испуганно отшатнуться. Взгляд огромной боевой машины, способной раздавить одним только своим прикосновением. Испытав на себе этот взгляд, прожженные императорские бретеры, самоуверенные чемпионы и ретивые дуэлянты стремительно бледнели, считая за лучшее совершить маневр уклонения и выйти из боя.

– Я учил тебя стрельбе на сверхдальние. – Магнебод провел пальцами по своей спутанной грязной бороде. – Маневрированию в ограниченных пространствах. Навигации по магнитным полюсам. Шифрованию, навигации, тактическо-

му сыгрыванию. Тысячам вещей, которые положено знать рыцарю. Но, во имя памяти твоего отца, не я учил тебя интриговать, Гримберт. Этому ты научился сам.

– Что?

– Ты слишком быстро повзрослел. Еще вчера ты бил палкой крапиву у замковой стены, воображая, что отбиваешь у сарацин Гроб Господний, а сегодня уже ведешь в атаку три дюжины рыцарей Туринской марки, как когда-то вел твой отец. Но иногда мне, старому рубака, делается жутко, когда я замечаю, до чего ты не похож на него.

Холодная судорога на миг сжала глотку, мешая нормальному слюноотделению. «Не паника, – механически отметил он, – лишь гадкий рефлекс». Ощущая себя в теле стального великана, постепенно забываешь о том, до чего странно и примитивно устроено твое истинное, состоящее из плоти и крови. Никчемное нагромождение разнородных тканей, такое уязвимое и подверженное множеству неконтролируемых внутренних реакций.

– Будь добр выбирать выражения, – холодно отчеканил он, заметив, что даже мальчишки-оруженосцы, снующие по «Золотому Туру» с тряпками, на миг превратились в неподвижные, прилипшие к броне изваяния, вроде тех, что украшали стены его палатки. – Ты верно служил моему отцу, и я никогда этого не забуду. Но ты присягнул мне, а значит...

Магнебод сплюнул оземь. Еще одно непростительное нарушение всех мыслимых норм приличия в обществе марк-

графа. Но если бы кому-то пришло в голову вести записи всех нарушенных Магнебодом придворных протоколов, Туринская библиотека едва ли годилась в качестве хранилища для них, скорее, пришлось бы использовать бездонный церковный информаторий...

– На плечах у твоего «Тура» четыре двенадцатидюймовки, – тяжело обронил он. – Потрясающая огневая мощь. И я знаю, что ты бьешь из них без промаха, потому что когда-то сам учил тебя этому. Но знаешь, все чаще мне кажется, что ты избегаешь использовать это оружие. Вместо этого ты куда охотнее пускаешь в ход другое. Свои ядовитые злокозненные планы.

Гримберт набрал воздуха в грудь, чтоб хватило на резкую отповедь, но Магнебод явно не желал предоставить ему возможность для контрудара.

– Я паршиво вижу еще с тех пор, как херовы силинги залили нас с твоим отцом ипритом во времена Адской Наконвальни. Но я еще не слепой, Гримберт. Я вижу, что тебе куда привычнее расправляться со своими врагами при помощи хитроумных планов и интриг. Нет, дай мне закончить, пока чертова жажда снова не вернулась... Ты всегда был умным мальчишкой. Может, не таким сообразительным, как Аривальд, тот схватывал на лету, но... Ах, черт, да... У тебя всегда была светлая голова. Но все эти твои планы, все эти задумки... Ты никогда не делаешь ничего случайно, так ведь? Если ты что-то делаешь, то только тогда, когда полностью

уверен в результате. И каждый план у тебя – что паутина о тысяче нитей. Тут потянешь, там дернешь, там обрежешь. Как.... как...

Произнесет или нет? Гримберт поймал себя на том, что с интересом ждет этого. Это слово часто произносилось в Туринской марке, но никогда – в его присутствии. Обычно если кто-то осмеливался его произнести, то лишь после того, как убеждался, что поблизости нет маркграфа Гримберта или его слуг.

Это слово тайком преследовало его уже много лет. Ступая на тонких невесомых ножках, оно пробиралось в маркграфский дворец и тихонько сновало там, прячась при его появлении. Оно шуршало на грязных улицах, замирая при виде печатающих шаг стражников с турами на кирасах. Оно гудело на ветру, с какой стороны света этот ветер ни заявился бы в Турин. Оно проникло даже в его рыцарское знамя, найдя щели в доспехах. Иногда Гримберту даже казалось, что он видит это слово на чьих-то губах, но всякий раз это оказывалось мороком. Во всех землях империи франков не нашлось бы человека, способного произнести его, глядя в лицо Гримберту, маркграфу Туринскому.

Но Магнебод с его несдержанным ворчливым нравом мог бы и рискнуть.

– Как кто?

Старший рыцарь отвел взгляд.

– Врать не стану, здорово у тебя это выходит. Как у шуле-

ра за карточным столом. Вроде ничего и не сделал, зыркнул туда, зыркнул сюда, пальцем шевельнул, ан смотришь – и все за столом уже валяются в луже собственной мочи и крови с кинжалами в горле. И вроде как все само собой случилось, без твоего ведома. Ловко, черт возьми. Ловко! Один только барон Остейский чего стоит... Я уж думал, без сечи не обойдется, даже название для нее загодя придумал. Приказал уже боеукладку грузить – тучи к тому времени над Турином такие сгустились, что и пушкой не прошибешь. А ты... Раз! Раз! И готово. Зарубил его без меча. Одним только пером и чернилами.

Гримберт улыбнулся, как привык улыбаться на придворных балах в Аахене – одним лишь только коротким напряжением мимических мышц.

– Для человека, мнящего себя записным интриганом, барон Остейский недостаточно хорошо следил за собственной бухгалтерией, а кроме того, имел непозволительно много жадных родственников. Мне требовалось лишь подтолкнуть один маленький камешек, чтобы породить лавину. Вроде тех, что грохочут у нас в Альбах, сметая все на своем пути.

Магнебод кивнул, пусть и без особого воодушевления.

– Я и говорю – ловко сыграл. Или тот диакон из епископского клира! Уж как он на тебя обозлился, сладу не было. Еретиком клял, безбожником, тлетворным пау...

Магнебод осекся, не зная, как закончить слово. Гримберт благосклонно пришел к нему на помощь. В конце концов,

разве не долг сеньора протягивать руку поддержки своим вассалам?..

– Всего лишь чересчур много возомнивший о себе святоша, – мягко заметил он. – Я бы терпел его и дальше, но он принялся подзуживать самого епископа, а этого я уже позволить не мог.

– Он сбежал из Турина, теряя четки. – Магнебод коротко хохотнул. – Так, словно за ним все черти ада гнались!

– Это было непросто, – признал Гримберт. – Но стоило того. То, что тебе кажется интригой, на самом деле битва, пусть даже ей никогда не обрести звучного имени и не затвердеть сигнумом на чьей-то броне. В таких битвах не грохочут пушки и герольды не дуют в трубы, возвещая атаку. И все же это войны, и сил на них уходит не меньше. Надо изучить вражескую оборону и определить в ней слабое место. Прикинуть пути подвоза боеприпасов и пространство для маневров. Подготовить силы для долгой осады и наметить боевые порядки. Подвести незаметно фугасные огнеметы на передовую и провести рекогносцировку. Это война. Уж извини, если предпочитаю вести ее не теми методами, которые были популярны во времена вашей с отцом молодости.

Магнебод тяжело засопел, втягивая воздух не единожды переломанным носом.

– Скажи мне начистоту, Гримберт, – вдруг потребовал он. – Скажи мне ради памяти твоего отца. То, что ты сделал сегодня... Это ведь не еще один камешек в твоей бесконеч-

ной вражде с графом Женевским? Потому что если так... Если так, у всех нас могут быть неприятности. И куда более серьезные, чем жалкая кучка лангобардов за крепостными стенами.

* * *

Гримберт хотел сделать еще глоток вина, но передумал и швырнул кубок в сторону ристалищной площадки. Почти тотчас за него схватились сразу двое или трое оборванцев из туринского ополчения, похожих на облезлых уличных крыс. Это выглядело столь забавно, что Гримберт, наблюдая за их дракой, на какое-то время даже забыл про заданный вопрос.

– Вино испортилось, – пробормотал он наконец. – Когда вернемся во дворец, я прикажу набить из виночерпия чучело и выставлю его у ворот... Прости, что ты сказал?

– Граф Женевский, – тяжело выдохнул Магнебод, сверля его взглядом. – Рыцарь, которого ты разбил наемни, был из свиты Лаубера. И я слишком хорошо знаю его нрав, чтобы думать, будто он спустит тебе это. Ты ведь этого и добивался, верно?

Гримберт усмехнулся.

– Ты стал интересоваться политикой, мой друг?

Магнебод ответил ему недоброй grimасой, больше похожей на оскал хищного вепря.

– Свои сигнумы я заработал в бою, а не на балах и высо-

чайших приемах, – буркнул он. – Но даже я знаю, что выхватили лишку. Ходят слухи, что ваша вражда с графом Жене-вским многих уже утомила. И когда я говорю «многих», то имею в том числе и Аахен, это гнилое, полнящееся ядом сердце распроклятой империи. Смекаешь, откуда ветер дует?

– Да, – ответил Гримберт, поморщившись. – Судя по запаху, от квадских выгребных ям. Надо было приказать разбивать шатер подальше от солдатни.

Но Магнебод был слишком раздражен, чтобы позволить невинной шутке отвлечь себя от темы, которая, судя по всему, волновала его не меньше завтрашнего штурма.

– Сколько лет она уже длится? Двенадцать?

– Тринадцать. Отец умер тринадцать лет назад.

Магнебод яростно вцепился пальцами в бороду и засопел.

– Тринадцать! Подумать только. Тринадцать! Во имя отрезанных яиц святого Филиппа, я надеюсь, вы с графом Лаубером достаточно умны, чтобы не продолжать ее тут, у всех на виду!

Гримберт досадливо дернул плечом.

– Как будто я сам рвался примкнуть к его победоносной орде! Господину сенешалю было угодно объявить сбор всех знамен, включая Туринское. Посмей я отказаться, это было бы приравнено к нарушению вассальной клятвы, а то и измене короне. Известно, что на период военной кампании господин сенешаль есть глас императора и меч императора...

– А еще судья императора! – пробасил Магнебод, не скрывая раздражения. – Не забывай об этом! Если вы вдруг сцепитесь друг с другом, точно два бешеных пса, сорвав тем наступление, уверен, сенешаль с удовольствием вздернет вас обоих на одном дереве, позабыв про ваши чины и заслуги перед престолом!

Гримберт позволил себе легкомысленную полуулыбку, хоть и сознавал, что та в силах разъярить Магнебода еще больше.

– Ты преувеличиваешь, мой старый друг, уверен, Алафрид, несмотря на обилие государственных забот, свалившихся на него в последнее время, сохранил достаточно разума. И достаточно памяти. Ты ведь помнишь, было время, когда он нянчился со мной, точно заботливая сиделка. Рассказывал про величайшие битвы, в которых участвовал его «Великий Горгон», и объяснял, чем корпусный реактор силовой установки отличается от канального, как выверяют дистанцию для стрельбы на сверхдальние, что такое бризантное воздействие...

– А ты слушал его с раскрытым ртом, точно самого Святого Петра. – Магнебод бесцеремонно сплюнул. – Вот тогда он еще не был господином императорским сенешалем, а лишь герцогом де Гиень, старым боевым соратником твоего отца. И если ты думаешь, что воспоминания о тех временах, когда ты пачкал панталоны, смягчат его нрав, то заблуждаешься еще сильнее, чем тот никчемный барон, который вышел на

бой против тебя!

– Не беспокойся. Родовая вражда – это не табакерка, которую можно оставить дома, отправляясь на охоту. Но это не значит, что я стану строить козни Лауберу прямо здесь.

– Ради твоего же блага надеюсь, что не станешь! – прогремел Магнебод. – Судя по тому, сколько войска согнали сюда со всех краев, на эту кампанию у господ из Аахена большие планы. И у его величества наверняка тоже. Это значит, что Алафрид не потерпит никаких ошибок. Вы и так подпортили ему немало крови – вы оба! Если ваша проклятая свара поставит под угрозу будущее похода...

– Ну, если он только не...

Магнебод легко перебил его – голос у него был не менее зычным, чем рев боевого горна «Багряного Скитальца», такой, что запросто перекрыл бы канонаду батареи легких серпантин²⁵.

– Нет уж, выслушай меня! Можно годами интриговать, сидя в Аахене, в этом змеином гнезде интригует даже последний свинопас, но здесь вам не императорский двор! Здесь боевой поход! На который господин императорский сенешаль делает немалую ставку. И Господь упаси тебя перебить ему карты, Гримберт, поставив под удар судьбу всей кампании. Если ты считаешь, что господин Алафрид проявит к тебе снисхождение только из-за того, что был другом твоего отца, это значит, что ты ни черта не знаешь о господине им-

²⁵ *Серпантин* – средневековое полевое орудие калибром от 50 до 150 мм.

ператорском сенешале!

Гримберт страдальчески скривился.

– Воистину, некоторые склонны раздувать бурю из дуновения ветра. Ладно, допустим, я немного пощипал одного из птенцов Лаубера. Мне было скучно, а он был круглый дурак, к тому же мне требовалось проверить, насколько «Тур» готов к завтрашнему бою. Ты даже в этом видишь подвох, мой друг?

– В последнее время я вижу подвох во всем, к чему ты прикасаешься, Гримберт, – вздохнул Магнебод, косясь на него из-под густых бровей. – Поэтому я прошу тебя только об одном. На правах бывшего наставника и старшего рыцаря твоего знамени.

– О чем же? – с преувеличенной мягкостью спросил Гримберт.

Ему потребовалось внутреннее усилие, чтобы сдержать рвущийся наружу гнев, горячий, как жидкость из системы охлаждения реактора.

«Ты размяк, Магнебод, – раздраженно подумал он. – Туринские врачеватели могут подлатать твои стареющие мышцы и сосуды, но есть вещи, которые стареют неумолимо, раскисая и превращаясь в тлен. Где тот Магнебод, которого я знал, бесстрашный рубака и герой восточных границ? Где храбрец, готовый безоглядно броситься на полчища лангобардов? Ты раскисаешь, мой друг, ты стареешь. Твоя физическая оболочка может прожить еще сто пятьдесят лет, под-

держиваемая золотом Турина, но то, что внутри ее, уже тронуту тленом старости. Ты превращаешься в развалину, хоть сам того не замечаешь».

– Не мешай Алафриду! – Магнебод поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. – Не отравляй вашей враждой с графом Лаубером кампанию, которую он готовил столько времени.

Гримберт пренебрежительно фыркнул.

– Тебе ли не знать, что император провозглашает начало военных кампаний чаще, чем тосты за обеденным столом! Допустим, мы завтра пощиплем лангобардов. Все равно нам не удастся скинуть их в *Mare Mediterraneum*²⁶, сколько бы ни льстили себе придворные стратеги, гораздо чащедвигающие кубки с вином по столу, чем фишки по тактической карте. Допустим, сожжем город или два, да что толку? Если еретики чем и славятся, так это своим варварским упрямством, которое с лихвой замещает им бессмертную душу. Истерзанные, изорванные и опаленные нашим огнем, они откатятся в глубь лангобардских земель, но уже через два дня перегруппируются, вкопаются в землю и ответят так, что от этого крысиного воинства, голосащего вокруг моего шатра, полетит во все стороны дерьмо вперемешку с паленой шерстью. Знаешь, что будет дальше?

В этот раз он не дал Магнебоду перебить себя. Придвинулся на шаг, вперив взгляд ему в глаза. И с удовольствием

²⁶ *Mare Mediterraneum* (лат. – Море посреди земли) – Средиземное море.

ощутил, как старый наставник заколебался. Не отошел, не попятился, но словно на миг уменьшился в размерах, потерял тот горящий внутри запал, который дает силу ярости.

– Будет очередная паскудная резня, которой придворные летописцы поспешат дать славное название, сигналами которой уцелевшее ублюдочное воинство изрисует свои доспехи. Остатки героев, ломая строй, бросятся обратно, сжигая по пути уцелевшие деревни, грабя друг друга и не обращая внимания на клятвы и гербы, бросая за спиной пехоту и обозы. Императорские стратеги, еще вчера упоенно делящие между собой лоскуты лангобардских земель, ринутся прочь, покрывая по сотне лиг²⁷ в день, и самое позднее через четыре дня ворвутся в Аахен, где сам Папа Римский умастит их чела мирой и назовет защитниками христианской веры и героями. По меньшей мере полдюжины получат новенькие графские короны – еще до того, как их оруженосцам удастся изгнать запах испражнений из их бронекапсул. Без сомнения, это будет славная битва! Уже предвкушаю!

– Гримберт...

– Если кто и поляжет без остатка, так это наемные полки. Забавно, верно? Наемники остаются на поле боя, даже когда их наниматели бросаются в бегство, подтершись всеми своими клятвами, регалиями, титулами и бессмертной душой. Знаешь, почему? Правила цеховой чести. Если наемники по-

²⁷ *Лига* – средневековая мера длины, равная примерно 2,3 км. Здесь: около 230 км.

бегут, в следующий раз никто не станет нанимать их или их соплеменников. Чисто деловой интерес. А вот кому можно позавидовать, так это раубриттерам. Это нищее злобное шакалье племя бросится врассыпную еще до того, как лангобарды выкатят на прямую наводку свои реактивные бомбарды, вот увидишь. Не отягощенные ни честью, ни клятвами, они даже не станут ждать первых выстрелов, зато славно попируют за наш счет. Чертовы раубриттеры!

– Гримберт...

– Я только надеюсь, что эта битва обретет славное название, на память о котором не грех будет выбить красивый сигнум на доспехе! Алая Круговерть! Или, лучше, Стальная Сечь! Черт, придворные стратеги мастера по этой части, я имею в виду – сочинять названия для проигранных битв! В жизни не слышал, чтоб какой-нибудь рыцарь хвалился тем, что участвовал в Красном Нересте или Пахоте под Ржавой Мельницей! Сказать тебе, что случится через пару дней после того, как воинство Алафрида, собранное по капле со всех концов империи, бросится прочь? – Гримберт перевел дыхание, но больше для того, чтоб насладиться смущением Магнебода, чем по необходимости восполнить количество воздуха. – Я скажу тебе, что! Лангобарды, хлебнув крови, двинутся в контратаку. Как они двигались всякий раз после нашего удара. И что преградит им путь? Туринская марка. Восточная крепость Франкской империи, как ее именуют в Аахене. Мы, Магнебод. Снова мы. Турин, конечно, высто-

ит. Может, мы и чертовы «вильдграфы», над которыми по-смеиваются при дворе, но мы веками защищали этот отравленный радиацией клочок земли и, черт возьми, знаем, как это делается! Умоемся кровью, потеряем треть вспаханных полей и виноградников, потеряем половину рыцарей моего знамени и сто-двести тысяч душ!

Магнебод был смущен, но не повержен. Неудивительно – ему за свою жизнь приходилось выдерживать настоящий шквал артиллерийского огня, способный разметать на куски чуть менее прочный доспех, чем «Багряный Скиталец». Что бы ни говорили про слова Господа богословы, риторы и философы, по части ударной мощи им сложно состязаться с комбинированными осколочными и фугасными снарядами...

– В этот раз многое может быть по-другому, – заметил он сдержанно. – Алафрид в самом деле скопил немалую силу. И наше Туринское знамя в три дюжины рыцарей – лишь соломинка в скирде. В этот раз все будет серьезнее, чем вылазка в соседний курятник, Гримберт. Одних только рыцарских знамен не меньше дюжины, а если считать пехоту да артиллерию, если считать баронов и раубриттеров, выходит порядочная орда. Если нам в самом деле удастся проломить ворота Арбории...

Гримберт лишь отмахнулся от него.

– Мы истечем кровью, как баран с раскрытым черепом, только и всего. Не по душе мне эта затея, Магнебод. И то,

что Алаффрид сташил нас в одну упряжку с этим ублюдком Лаубером, графом Женевским, тоже.

– В этот раз господин сенешаль вознамерился всерьез пощипать лангобардских ублюдков. И поверь, ему это удастся. Вот увидишь, завтра мы превратим приграничную Арборию в один большой, гудящий от боли костер. В тот же день форсируем Сезию и двинемся дальше на восток, возвещая проклятым еретикам-лангобардам Страшный суд. Новара, Галларате, Варесе... Они будут падать к нашим ногам, как перезрелые яблоки, воя от страха. Потом Роццано, Монца и, черт побери, сама Павия!.. А уж в Павии...

Глаза Магнебода загорелись яростным огнем. Кажется, он уже явственно представлял, как «Багряный Скиталец» идет по пылающим улицам Павии, размалывая короткими очередями автоматических пушек последних уцелевших защитников, как воют боевые горны и звенит потревоженная осколками сталь. Это был его мир, мир, к которому он привык за полвека участия во всех войнах империи.

– Погуляем, как в Салуццо пять лет назад! Помнишь те славные деньки?

Гримберт кивнул, не ощущая в душе того воодушевления, которое испытывал Магнебод.

– Я помню Салуццо. Но там против нас было облезлое баронское воинство, а не тысячи обозленных еретиков, которых придется выжигать в их собственной норе.

– Мы разметали их, точно щепки! Говорят, в тех краях

до сих пор помнят Железную Ярмарку, которую устроил им Гримберт, маркграф Турина. И будут помнить еще сто лет! В Арбории едва ли будет сложнее.

«Слишком стар, – подумал Гримберт с едва сдерживаемым презрением. – Для него война – это грохот мортир и бронированные клинья наступающей пехоты, ползущие по перепаханному снарядами полю. Ужасно ограничен – как и прочие рыцари в большинстве своем. Не понимает, что победа достигается не сосредоточенным артиллерийским огнем и не рыцарской доблестью, а иными, куда более тонкими и сложными инструментами. Реликт старой эпохи, еще не исчерпавший свою полезность, но безнадежно устаревший. Когда-нибудь его сменят другие – более сообразительные и гибкие, вроде Гунтериха. Не сегодня и, вероятно, не завтра, но...»

* * *

Закончить эту мысль он не успел, потому что со стороны облепленного слугами «Золотого Тура» донесся короткий испуганный крик и сразу же вслед за ним – негромкий лязг. Так бывает, когда кого-то пробивает навывлет, прямо в доспехах, пуля. Но здесь, в самом центре имперского полевого лагеря, неоткуда было взяться вооруженным лангобардам или их лазутчикам. Гримберт перевел взгляд на свой доспех и замер, потрясенный.

Кто-то из младших оруженосцев, менявший масло «Золотому Туру», оказался неловок. Стоя на золоченой броне грудины, он пошатнулся, на миг потеряв равновесие, и этого короткого мига хватило, чтоб предательски ослабевшие руки выпустили ведро с отработанным маслом. Покатившись вниз, стремительно, как камешек с горы, оно врезалось прямо в маркграфский герб на груди рыцаря и опрокинулось, испачкав его жирной черной жижей. Золотой бык на синем фоне скрылся под безобразной кляксой, оставлявшей на золоченой броне грязные разводы.

Первым сообразил, что произошло, стоявший поодаль Гунтерих.

– Растяпа! – зло крикнул кутильер. – Смотри, что ты натворил!

Мальчишка-оруженосец был бледен, как прокисшее молоко, – точно увидел в футе от себя живого лангобарда. Кажется, он только сейчас понял, что случилось, и теперь с ужасом смотрел на маркграфа широко распахнутыми глазами. Он пытался оправдаться, но губы не повиновались ему, дрожали, порождая нечленораздельное бормотание. Так и есть, мальчишка. Лет двенадцати, если не меньше. Гримберт перевел взгляд ниже, где истекал грязной жижей некогда гордый золотой телец. Он почувствовал, как его затапливает злостью, тягучей и обжигающей, как свежая смола.

Фамильный герб маркграфов Туринских, который облагрили собственной кровью поколения его предков, заживо

сторавших в своих раскаленных доспехах, – и какой-то безродный мальчишка...

Должно быть, он переменялся в лице, потому что Гунтерих едва не сжался от страха, и даже бесстрашный мессир Магнебод машинально сделал полшага назад. Они оба знали цену гневу маркграфа.

Чудовищным усилием воли Гримберт заставил себя сдержаться. Заставил злость медленно схлынуть, открыв мысленные кингстоны. Контроль над разумом и собственными эмоциями – вот первое, чему учится человек, который хочет овладеть умением строить сложные и далеко идущие планы. Если в душе царит несдержанность, ее порыв может уничтожить то, что строилось годами.

Он не может позволить себе роскошь потерять хладнокровие, пусть даже на единый миг. Не сейчас, когда он вплотную подошел к осуществлению самого главного замысла в своей жизни.

Гримберт заставил себя усмехнуться.

– Какая досадная оплошность, – заметил он, глядя на онемевшего от страха оруженосца, все еще стоящего на золоченой броне «Тура». – Не переживай, мой мальчик, я знаю, что у тебя не было злого умысла. Ты предан мне, как и полагается честному оруженосцу, и чист помыслами, виноват не ты, а твои руки. Кажется, они не очень исправно тебе служат, а? Они подвели тебя, а ведь они – вернейшие твои исполнители, дарованные тебе Господом, не так ли? Очень прискорб-

ный случай. И очень распространенный. Ты даже не представляешь, сколько гениальных сценариев и удачных замыслов пропадает втуне только лишь потому, что исполнитель глуп, неумел или неопытен. Знаешь, что лучше всего делать в таком случае?

Мальчишка осторожно покачал головой. Он все еще был оглушен страхом и едва ли понимал смысл маркграфского вопроса.

– Отказаться от их услуг. Ненадежный исполнитель – худшее, что может быть. Он уничтожит любой план, сколь совершенен бы он ни был. Испортит замысел. Погубит все полотно. Понимаешь? На ненадежного исполнителя никогда нельзя будет положиться. Ведь никогда не знаешь, где он подведет тебя в следующий раз. Единственный способ – избавиться от него, чтобы в будущем застраховать себя от подобных недоразумений. Ты согласен со мной?

Оруженосец медленно кивнул, соглашаясь.

– Вот и отлично. – Гримберт нашел взглядом первого попавшегося сквайра из личной охраны маркграфа. – Отрубите ему руку. Нет, лучше обе. И ототрите проклятый герб.

Он развернулся на каблуках и двинулся к своему шатру, заставляя Магнебода и Гунтериха следовать за собой. Шаг у него был стремителен, если рыцарь и поспевал за ним, то старшему оруженосцу приходилось едва ли не бежать.

– Гримберт... – Магнебод осторожно подергал за кончик своей окладистой бороды, словно проверяя ее на прочность.

– Что?

– Не слишком ли это...

– Ты хочешь спросить, не слишком ли это жестоко?

– Да. Черт возьми, это всего лишь ребенок. Не виноват же он в том, что...

Гримберт остановился, чтобы взглянуть ему в глаза. И с удовлетворением ощутил, как напрягся его верный рыцарь. Это был добрый знак. Он потратил тринадцать лет, почти половину своей жизни, на то, чтоб убедить весь мир в одной важной вещи.

Очень, очень опасно становиться врагом маркграфа Туринского. Это должен помнить каждый, и неважно, что за герб красуется на его щите, графский, баронский или даже герцогский. Знать эту важную вещь должны не только те, кто собирается стать врагом, но и те, кто считает его своим другом. Про это правило он никогда не забывал.

– В мире утверждено семь высших добродетелей, Магнебод, – медленно произнес он. – Я помню их так же хорошо, как в те годы, когда только учился читать. Благоразумие, надежда, вера, мужество, любовь, умеренность и справедливость. Но снисхождение среди них не значит. Я не собираюсь поощрять своим расположением людей, которые не в состоянии выполнять свою работу.

В шатре маркграфа царила приятная прохлада, здесь работали фильтры, не пропускающие внутрь ни пыль, ни жару, ни миазмы человеческих тел. Кто-то из слуг уже разжег в курительницах благовония – мирру, сандал и амбру. Пажи терпеливо стояли с одеждой в руках, ожидая, когда Гримберт прикажет им переодеть его. Был и кувшин вина, но к нему он даже не притронулся – из крови еще не до конца испарился вызванный схваткой адреналиновый холодок. Возможно, он выпьет еще немного вина с морфином перед тем, как идти к Алафриду на военный совет, но не сейчас. Сейчас он и так чувствует себя превосходно, кроме того, сейчас важно сохранить ясность мысли.

Как никогда важно.

Гримберт коротко махнул рукой. Вышколенные слуги мгновенно покинули шатер. Все эти пухлые пажи с угодливостью в глазах. Томные девы с талиями настолько тонкими, что можно обхватить одной ладонью, как ножку бокала. Менестрели, жаждущие усладить его слух новейшими аахенскими балладами. Декламаторы, загодя приготовившие свитки его любимых стихов. Сейчас все они вызывали лишь досаду. Как разбросанные в беспорядке предметы обихода, беспомощные сами по себе.

«Всего лишь чернь, – подумал он рассеянно. – Благодар-

но лопочущая, испуганно дрожащая, умоляюще всхлипывающая, она всегда остается прежней. Неспособной вырваться из оков своей сущности, стиснутая своими жалкими примитивными желаниями и инстинктами...»

Снаружи что-то звучно ухнуло, точно кто-то сломал на пополам сухую ветвь. Спустя половину секунды или немногим более до ушей Гримберта долетел крик – жуткий отчаянный вопль, оборвавшийся нечленораздельным хрипом. Точно кричавший лишился чувств, не в силах полностью осмыслить количество отпущенной ему Господом боли. Гримберт одобрительно кивнул сам себе – хотя бы сквайры все еще выполняют приказы своего господина без опоздания...

Магнебод молча смотрел на него, будто пытался что-то рассмотреть в полумраке шатра.

– Удивительно, – пробормотал он, непонятно к кому обращаясь. – Действительно удивительно.

– Что именно? – резко спросил Гримберт. – То, что я использую дарованное мне императором право вершить суд?

– Нет. Удивительно, как ты не похож на своего отца.

Гримберт нахмурился. В устах Магнебода это прозвучало двусмысленно. А Гримберт не терпел двусмысленности, в чем бы она ни заключалась. Двусмысленность – корень неточности, а он презирал неточности. Одна маленькая неточность может погубить тщательно продуманный план, безнадежно порвать тонкое кружево паутины.

Он привык плести паутину, более того, делал это безуко-

ризенно, так, как неспособны лучшие императорские белошвейки с их раздувшимися от имплантов глазами, обладающими чуткостью микроскопов. Может, потому его и прозвали...

– Что ты имеешь в виду?

– Ты так... безжалостно рационален, что иногда мне кажется, будто передо мной не живой человек, а вычислительная машина. – Магнебод издал напряженный смешок. – Вот почему в твоих планах не бывает ошибок. Ты безжалостен к людям так же, как и к фактам. Твой отец...

Гримберт вперил в него взгляд, заставив рыцаря замолчать.

– Мой отец проявил слабость и расплатился за это. Ослабил контроль, позволил себе положиться на чужую волю. И был за это убит. Если я чему-то и научился за все это время, так это учитывать ошибки! Его ошибки я учел.

Магнебод застонал сквозь зубы.

– Бога ради, Гримберт! Только не начинай снова! Святой Альбин мне свидетель, я чтил твоего отца так, как не чтил никого другого. Но ты так слепо отдался мести, что забыл обо всем на свете. Мы уже далеко от Туринской марки, но скажи, как далеко тебя заставит зайти эта месть?

– Я переберусь через стену девятого круга ада, – зловеще пообещал Гримберт. – Если в десятом смогу довести свою месть до конца.

В шатер, низко поклонившись, вошел слуга. Судя по то-

му, что двигался он быстрее, чем положено по этикету, и не решился даже взглянуть на своего маркграфа, принесенная им новость заслуживала самого пристального внимания.

– Ваше сиятельство, извините за...

– К делу, – кратко приказал Гримберт.

– К вам посетитель.

– Вот как? Досадно, я даже не успел переодеться. И что за посетитель? Достаточно ли настойчиво он выглядит?

Слуга побледнел еще сильнее, чем тот нескладный мальчишка с ведром.

– Его сиятельство Лаубер, граф Женевский.

Гримберт почувствовал на губах привкус торжествующей улыбки. Который показался ему еще более упоительным, оттененный накатившей мрачностью Магнебода.

– У меня нет причин отказать его сиятельству графу Женевскому во встрече, верно?

* * *

Он не изменился, это первое, о чем подумал Гримберт. Время – лучшее абразивное средство из всех, известных человечеству. День за днем оно стачивает контуры неприступных крепостей, стирает карты и геномы. Но есть вещи, над которыми оно, кажется, не властно.

Лаубер, граф Женевский, кажется, относился именно к этой категории.

За те три года, что Гримберт его не видел, в лице Лаубера не произошло ровно никаких изменений. Ни шрамов, ука- зывающих на участие в боях или поединках, ни новых мор- щин, которые могли бы свидетельствовать о нервном исто- щении, ни бубонов или шанкров, верных свидетелей невоз- держанности в постели.

Лицо графа Женевского даже в мелочах осталось ровно тем же, каким помнил его Гримберт, – холодным, отстра- ненным, даже неестественно спокойным, как для существа, в чьих жилах течет человеческая кровь. Оно бы даже похо- дило на изысканную фарфоровую маску, из тех, что непре- взойденно умеют делать венецианские мастера, если бы не блеск глаз, тоже по-рыбьи холодный и внимательный.

– Маркграф Гримберт? Мое почтение.

Приветствие было еще более сухим, чем воздух снаружи шатра, скрипящий от количества растворенного в нем пес- ка. Ни поклона, ни традиционных форм приветствия, при- нятых при дворе, ни даже свиты герольдов, возвещающих о визите. «Почти фамильярно, – подумал Гримберт. – Почти в насмешку».

Впрочем, едва ли это было вызовом. По заведенной мно- го лет назад традиции в походном лагере отбрасывались вы- сокие манеры и пышные чинопочитания, в противном слу- чае, как выразился когда-то господин Алафрид, когда еще не был императорским сенешалем, эта чертова камарилья бу- дет обмениваться поклонами до тех пор, пока не свершится

Страшный суд – и тогда снова придется тратить время на рекогносцировку.

Гримберт решил ответить ему тем же.

– Граф Лаубер? Приятная неожиданность. Добро пожаловать!

«Ему восемьдесят четыре года, – напомнил себе Гримберт, – он куда старше меня, однако выглядит моим ровесником». Ланцеты и зелья женеvских лекарей по-прежнему не знают себе равных. Черт возьми, хотел бы я знать, сколько ливров в год он тратит на омолаживающие операции и процедуры...

Этого он не знал, как не знал и многих других вещей, связанных с жизнью графа Лаубера, несмотря на все ухищрения шпионов и щедрые порции золота. Жизнь графа Лаубера была окружена защитным периметром из тайн, секретов, недосказанностей, умолчаний и неточностей надежнее, чем крепостной стеной. И Гримберт неоднократно имел возможность убедиться в том, что сокрушить эту стену – не в его власти. Пока что. Пока.

Лаубер был не один. За его спиной маячили две мужские фигуры. Судя по льняным сюрко²⁸, на плечах которых виднелся герб Женевы, оба имели не последнее отношение к рыцарской дружине графа. Лаубер не замедлил их представить.

– Эти господа за мной – сир Аскарик и сир Виллибад. Они

²⁸ *Сюрко* – украшенный гербом рыцарский плащ, обычно надевавшийся поверх доспехов.

из моего знамени.

Гримберт подумал, не отпустить ли остроту насчет того, какую роль они играют в свите графа, но решил сдержаться. Сложный разговор сродни артиллерийской дуэли, которая не терпит спешки, но требует методичной и осторожной пристрелки. В том, что разговор будет сложным, он не сомневался. Слишком хорошо знал Лаубера.

– А это – мессир Магнебод, мой старший рыцарь. Думаю, он вам знаком.

Глаза Лаубера даже не моргнули.

– Мессир Магнебод... Разумеется, его имя мне известно, оно давно вышло за пределы Туринской марки. Это ведь он, если не ошибаюсь, смял фланг лангобардов во время Расплавленного Камня? И он же руководил резервом в злощастной Битве Трех Фурий?

Магнебод коротко склонил голову. Его толстая шкура была непроницаемой для лести, как легированная сталь «Багряного Скитальца» для мелкой шрапнели. Кроме того, он явно не горел желанием вклиниваться между боевыми порядками противостоящих армий, хорошо зная, до чего быстро нейтральная полоса может превратиться в каменное крошево, залитое расплавленным стеклом.

– К вашим услугам, мессир.

Эта короткая реплика отчего-то вызвала секундное замешательство на фарфоровом лице Лаубера. И Гримберт сразу понял, отчего.

Лауберу не было привычно подобное обращение. В тех краях, где он вырос, к рыцарям обращались иначе – «сир». Видно, архаичная форма, принятая на востоке, все еще была чужда ему уху.

– Мессир... – Лаубер холодно улыбнулся одними губами. – Я уже и забыл, что в Туринской марке принято столь архаичное обращение к рыцарю.

«Он так и не стал одним из нас, – подумал Гримберт, сохраняя на лице благожелательное и вместе с тем совершенно бессмысленное выражение. – Не стал здесь своим». Здесь дело даже не в том, на какой манер именовать себя и в каких величинах высчитывать расстояние, в туазах и лигах или чертовых метрах, с которыми немудрено сломать голову. А в том, что всякому растению Господь в мудрости своей определил свою почву. Смоковница никогда не будет плодоносить на голом камне, а виноград не вырастет на песке. Граф Лаубер, может, и перенял многие здешние традиции и привычки, однако земля Востока до сих пор остается ему чужой. Он вырос совсем на другой почве, более болотистой и рыхлой, не знающей пылевых бурь и обжигающих кислотных дождей.

Может, он и был владельцем Женевского графства, но не наследным, вскормленным поколениями «вильдграфов», как насмешливо именовали восточных правителей в столичном Аахене. Он получил свою землю лишь недавно, лет около сорока назад, в оплату неведомо какой оказанной короне

услуги.

– Этой традиции много сотен лет. – Гримберт ответил ему собственной улыбкой, лишь немногим более теплой. – Здесь, на восточных рубежах империи, вдали от Аахена, все еще сильны старые порядки.

Лаубер никак не отреагировал на этот укол. Кажется, даже не моргнул.

– Похвально, когда молодые люди не забывают традиции предков.

Гримберт вынужден был признать, что Лаубер умеет держать удар. Менее выдержанного собеседника, чем граф Женевский, подобное замечание могло бы вывести из равновесия. Мало кто любит, когда ему напоминают о том, что в этих краях он чужак, несмотря на графские регалии и титул, человек, в чьих жилах течет совсем иная кровь. Если в жилах Лаубера в самом деле текла кровь, а не жидкий азот, она была не горячей и крепкой, как кровь исконных жителей Востока, а жидкой и бесцветной, как ядовитые воды Сены или Рейна.

– Рад, что могу одарить вас своим гостеприимством. – Гримберт щедро отмерил порцию яда для своей улыбки. – Как жаль, что здесь, в выжженных лангобардских степях, я не могу предложить вам всех тех щедрот, которыми славится Турин, а принимать вас приходится в походном шатре вместо дворца. Уверен, мои повара смогли усладить бы ваш вкус, а музыканты очаровали бы своим талантом. Возможно,

вы не знаете, в Турине у меня есть собственная театральная труппа, они ставят потрясающие пьесы на сцене. Мы смогли бы наслаждаться приятной беседой, как и подобает старым приятелям вроде нас...

На бесстрастном лице Лаубера не отразилось никаких чувств. К этому Гримберт был готов. Проклятая мраморная статуя, из которой не извлечь даже подобия человеческих эмоций. Иногда Гримберт представлял, как Лаубер кричит от боли – и этот звук казался ему более сладостным, чем самая упоительная игра мандолин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.